Продавцы грёз. Том 1

Автор:
Геннадий Башунов

Продавцы грёз. Том 1

Геннадий Алексеевич Башунов

Продавцы грёз #1

Властелин умирает, а значит – пришло время готовиться к большой Игре. Вскоре тринадцать кланов сойдутся в войне за владычество над едва не погибшим когда-то миром. Победителю достанется всё, проигравшие – умрут.

Алексею просто хотелось изменить свою жизнь, но… не настолько кардинально. Он очнулся посреди старого поля битвы, усеянного останками боевой техники, где нет ни еды, ни воды. Единственное, что Алексей знает – он заключил договор со странной девушкой, называющей себя Продавцом грёз. Алексей даже не подозревает о предстоящей Игре, в которой ему уготована участь жертвенного агнца, обязанного заплатить за чужие грехи…

Геннадий Башунов

Продавцы грёз. Том первый

Часть первая

Воздушный наёмник

Вступление

Сердце практически отказало, печень – тоже. Желудок почти съеден раком. Приборы говорили о том, что Ариол давным-давно знал и так.

– Я умираю, – сказал Властелин вслух. – Осталось недолго.

Используя манипулятор, он подкатил свою кровать к одному из десятков мониторов пульта управления, затем привёл тело в полусидящее положение. Моргнул левым глазом, вызывая загрузку списка кланов. Он пытался сделать это уже полгода, но упрямый искин, созданный ещё Предтечей, отказывал ему в этом праве.

Впрочем, именно искин управлял медицинскими приборами, поддерживающими жизнь сорок третьего Властелина Нейи. Кому, как не ему, решать, когда Ариол умрёт.

И сегодня список, наконец, появился:

00144 – статус не выбран;

00244 – статус не выбран;

00344 – статус не выбран;

00444 – статус не выбран…

И так до самого последнего, тринадцатого, клана. Замыкала список строка, смысла которой Ариол не знал:

00 – неактивен.

Властелин тяжело вздохнул. Тринадцать кланов… Он ожидал увидеть двенадцать. Выходит, девчонка Оливера каким-то чудом выжила.

Тринадцать….

Всё равно это ещё слишком много. Несмотря на то, что во время последней Игры, восемьдесят девять лет назад, кланов было восемнадцать, а когда-то, по слухам, больше сотни.

Левый глаз на миг пронзила лёгкая боль. Эту боль кроме него сейчас почувствовали ещё тринадцать человек. Кто-то сейчас испытывал страх, кто-то предвкушение, кто-то радость. И каждый из них осознавал – настало время готовиться к Игре.

– Алария…

Дочь вошла почти сразу, будто ждала под дверью. Стройная фигура, прямая спина, небрежно сложенные на груди руки и абсолютно отстранённое выражение некрасивого лица. Они не виделись больше двадцати лет, практически с её рождения. Властелин не понимал, какие чувства испытывает его дочь последнюю неделю, с тех пор как он вызвал её в свою цитадель. Возможно, она его ненавидела и радовалась тому, что он, наконец, умрёт. И Ариол разделял эти её эмоции.

Он не заслуживал жизни.

– Да, отец, – сухо произнесла она, практически не разжимая губ, чтобы скрыть свои кривые зубы.

– Ты знаешь…

– Знаю. Знаю, что если бы я вступила в битву сама или выбрала хорошего Представителя с телохранителями, все кланы ополчились бы на меня. Ничего. Я амбициозна, но жизнь мне дороже амбиций. Рожу сына или дочь, пусть в своё время сыграют они. Ты уже выбрал агнца на заклание?

– Выбрал. И уже загрузил в него Слепок.

– Отлично.

Алария приблизилась к экрану, хотя этого не требовалось.

Надпись начала меняться:

00144 – статус не выбран;

00244 – статус не выбран…

10244 – выбран Представитель, отказ от Телохранителей, ожидание подтверждения;

00344 – статус не выбран;

00444 – статус не выбран…

В глазах Ариола потемнело. Так и должно быть, всё нормально. Игра начинается, владыка мира вот-вот сложит свои полномочия.

– Мне всё равно нужно его формальное согласие?

– Да… – отозвался Властелин, открывая глаза. – И его кровь.

Алария развернулась на каблуках и, наверное, впервые за эту неделю показала ему свои эмоции – на её губах играла горькая улыбка.

– Я не должна была родиться, ведь так? – произнесла дочь. – За твои грехи тебе наверняка должны запретить иметь детей. Наш клан должен был прерваться на тебе, сорок третий Властелин.

– Дети… – прошептал Ариол, с трудом сглатывая собравшуюся от волнения во рту слюну, – дети не должны отвечать за грехи отцов.

– Весь мир отвечает за твои грехи, папа. Все, кто выжил на этой помойке, которую ты оставляешь после себя. А теперь ты выбрал несчастного, которого убьют за них же. Пусть ради меня и будущего клана, но… Неужели тебе его не жалко?

Ариол закрыл глаза и опустил спинку кровати.

– Нет. Что такое одна жизнь по сравнению с миллиардами погибших во время Великой Войны? Что такое один чужак по сравнению с жизнью одной из Его потомков, настоящего Продавца грёз, чьи предки выигрывали Игру четырежды? Ты можешь взывать к чему угодно, только не к моей совести: она умерла намного раньше, чем умрёт моё тело. А теперь уходи, с этих пор это место закрыто для всех, кроме Властелина. Сегодняшнего, и того, что придёт мне на смену.

Алария фыркнула и ушла, гневно хлопнув дверью.

Ариол остался один. Впрочем, на сей раз его одиночество продлится всего лишь несколько недель необходимых для подготовки всех участников к Игре. Он вновь приподнял спинку кровати, чтобы ему был виден монитор.

Список продолжал меняться:

…

00744 – вступил в Игру, взято Телохранителей – 6;

00844 – вступил в Игру, взято Телохранителей – 6;

…

01144 – вступил в Игру, отказ от Телохранителей…

– Старый больной ублюдок, Корвел. Сколько бы ты отдал, чтобы убить меня? Нет, не надейся. Я сдохну сам. Преисполненный боли, отчаяния и раскаяния. Сам.

Взгляд Властелина против его воли возвращался ко второй строке.

10244 – выбран Представитель, отказ от Телохранителей…

– Прости меня, парень, но ты должен умереть.

Глава первая

– Власть, – сказал отец, – вот, что главное. Ни деньги, ни слава не дадут тебе больше, чем власть. А лучше всего власть закулисная.

– Закулисная, – рассеянно кивнул я. Меня не слишком-то интересовали слова отца. Куда больше меня занимал резиновый динозавр, топчущий пластиковый танк. Эти безумные учёные пожалеют, что открыли портал в другой мир!

– Да, закулисная. Сейчас ты играешь динозавром, а после, через много лет, будешь играть людьми. Дёргать за верёвочки, как кукловод, которого мы видели вчера на улице. Помнишь?

Я помнил дяденьку на улице с двумя весёлыми куклами, которые смешно танцевали. От кукол к рукам дяденьки действительно тянулись тонкие верёвочки. Я поискал похожую верёвку на динозавре, но не нашёл. Также верёвочек не было ни на мне, ни на отце, ни на его госте.

– А где?..

Отец рассмеялся.

– Это просто такое выражение.

Я кивнул.

– Ты рождён, чтобы дёргать за верёвки, – сказал, улыбаясь, отец.

Я отбросил динозавра и посмотрел на отца… посмотрел… как будто со стороны. Снизу вверх, но в то же время, чувствуя своё превосходство и даже лёгкое презрение, будто я…

Наваждение прошло. Что я делал? А, играл с динозавром. Итак, динозавр пришёл с другой планеты, чтобы…

Я ошарашенно озирался, стараясь понять, где нахожусь. Сердце бешено стучало, хриплое дыхание судорожно вырывалось из груди. Правое бедро болело от нескольких сильных щипков, с левой кисти стекала кровь, настолько сильно я её укусил.

Но это не было кошмарным сном, как бы я на это не надеялся.

Я стоял посреди обломков какой-то невероятной боевой техники, покрытой пятнами ржавчины. Голые ступни топтали пожухлую серо-зелёную травку, растущую так редко, что она едва покрывала землю. Лёгкий прохладный ветерок слегка трепал мои волосы, но даже от него мне уже стало зябко – кроме семейных трусов, в которых я лёг вчера спать, на мне ничего не было.

Ни звука, только моё дыхание. Ни одного животного или даже насекомого в пределах видимости, только ржавая сталь и блеклая трава кругом.

Я задрал голову, надеясь увидеть хотя бы птицу. Небо покрывала лёгкая дымка, тусклое солнце едва проглядывало сквозь неё…

В левый глаз словно вонзили раскалённую иглу. Или, вернее, спицу – острый приступ боли пронзил мозг до самого затылка. Непроизвольно из глаз брызнули слёзы. Я схватился за голову, потом прижал ладони к левому глазу. Кажется, я едва не потерял сознание.

Но потихоньку боль утихала, изредка вспыхивая новыми приступами, однако ни один из них не шёл ни в какое сравнение с первым. Окончательно придя в себя, я понял, что буквально лежу на металлических обломках. Надо сказать, весьма холодных. Оторвавшись от них, я выпрямился. Кажется, приступ боли окончательно прошёл.

Ржавчина хлопьями прилипла к голому торсу; попытавшись стряхнуть её, только размазал. Плевать. Ещё раз оглянувшись, неуверенно сделал первый шаг. Здесь делать явно нечего, нужно попытаться найти людей. Или хотя бы что-то пригодное в пищу – со вчерашнего вечера у меня в животе ничего не было.

Вторая вспышка головной боли произошла через десяток шагов. И эта была гораздо хуже первой и продолжалась куда дольше. Перед глазами натурально мельтешили красные пятна разной величины и яркости. Я шипел сквозь зубы,

стоя на четвереньках, и изо всех сил жмурился, будто бы это могло облегчить боль.

На несколько секунд мельтешение прекратилось, и все красные пятна остановились перед моим взглядом… Нет, не так. Они будто повисли в моём мозгу, как трёхмерная картинка – какие-то передо мной, какие-то сзади, с боков. Странно, но я был абсолютно уверен, будто эти пятна ещё и находятся от меня на разном расстоянии. Если судить по цвету, одно пятно довольно близко…

Справившись с болью, я выпрямился на все свои сто восемьдесят сантиметров и закричал. Я драл глотку, вкладывая в крик недоумение и панику, обуявшие меня. Орал, пытаясь справиться с шоком, который испытывал.

Странно, но крик помог. Я избавился от бестолковой мешанины мыслей. Прооравшись, я повернул к самому «близкому» пятну, всё ещё упорно висящему перед моим взглядом, и побрёл ему навстречу, осторожно ступая по колючей траве.

В любом случае, это направление ничуть не хуже других. Любые направления сгодятся, когда не знаешь куда идти. Так почему красное пятно, словно впечатавшееся в мою сетчатку, не может быть ориентиром? Как в шутке про окружённый отряд, который теперь может атаковать в любом направлении.

Сумасшествие… я гоняюсь за красными пятнами…

Но и ситуация сумасшедшей некуда – уснул я в своей кровати, а проснулся… здесь… То есть вообще непонятно где и, судя по обломкам техники, когда.

Может, я действительно лишился рассудка?

Нет, я помню, кто я. Алексей, двадцать один год, студент, не женат. Даже одинок, но именно «не женат», а не в «активном поиске». Сто восемьдесят сантиметров, семьдесят восемь килограммов, телосложение – «когда-то не слишком регулярно занимался в качалке, но забросил и перешёл на пиво». Волосы светло-русые, глаза зелёные (хотя сейчас я это проверить не могу – рядом нет самой заваляшей лужи). Короткая борода, не слишком густая. На месте. Особые приметы… ржавчина на животе. А нет, вот он, полученный ещё в детстве крестообразный шрам на бедре от укуса собаки. Это я. Это моё тело.

Я сделал ещё десяток шагов, когда мне показалось, что услышал какой-то звук. Быстро оглядевшись, будто бы углядел краем глаза какое-то движение.

– Эй! – крикнул я, сжимая кулаки.

Но в чёрно-ржавом остове раскроенного буквально пополам танка (или чёрт его знает, что это за штука) как будто больше ничего не шевелилось. Кстати, я очнулся рядом с ним…

– Здесь кто-то есть? – заорал я.

Ответом мне была полная тишина.

Выругавшись, я вернулся к «танку» и внимательно оглядел его ржавые останки.

Ничего, пустота. Хотя, если честно, если бы там сидел даже крокодил, который немедленно попытался меня сожрать, я бы и ему обрадовался, настолько меня удручало полное отсутствие жизни и звуков кругом.

На всякий случай ещё раз оглядев танк, я повернулся к нему спиной и зашагал в выбранном направлении.

* * *

Итак, я умирал. Это совершенно ясно.

Как только смог признаться себе в этом, стало даже немного легче. Надежда, в конце концов, утонула в потоках чёрной тоски и безысходности.

Но мои ноги продолжали совершать движение за движением. Впрочем, я уже как минимум несколько часов шагал абсолютно механически, не различая, куда иду, и, главное, не понимая, зачем вообще продолжаю двигаться. Мозг, всё ещё пытавшийся что-то выдумать, найти какой-то выход, словно отключился, смирившись. Я даже порадовался этому. Выхода не было, нет, не будет, точка. Незачем напрягаться, лучше расслабиться и ждать смерти.

Но, распрощавшись с самим собой, я всё ещё продолжал идти, не в силах остановиться – тело продолжало свои жалкие потуги выжить. Словно я был механической игрушкой, которую когда-то завели и не могут остановить.

А ведь ещё пару дней назад с таким трудом мне удавалось заставить себя подняться с песка и продолжать движение. Тогда, наверное, с этим справлялся инстинкт самосохранения. Теперь же и он, кажется, пропал. Чёрт, я даже не мог заставить себя приблизиться в поисках воды к очередному ржавому корыту, бывшему когда-то боевой техникой. Просто шагал вперёд, без цели, без надежды.

Вообще, я думал, что отброшу копыта ещё пять дней назад, от жажды. Но – о чудо! – прошёл сильный ливень. С каким удовольствием я погружал голову в развороченное железное тело какого-то запредельного боевого монстра, как, захлёбываясь, глотал мутную, провонявшую химией и ржавчиной, воду, и как потом выблевал всё, что успел проглотить до момента, пока слипшийся от голода желудок не свело чудовищной коликой. Придя в себя, я понял, что наглотался мха и ещё какого-то дерьма, покрывавшего ржавый остов. Но, оклемавшись, я снова бросился пить, пить, пить…

Тогда я вслух благодарил небеса, всех богов, которых знал, и, конечно же, круговорот воды в природе вместе с ними за дарованную мне жизнь. Сейчас я проклинал их всех вместе взятых за продление своей агонии.

Нет, умирал я не от жажды. После ливня мучившая меня жара резко спала, время от времени начинал моросить дождик, так что с запасами воды проблем больше не возникало.

Проблема была в другом. Уже неделю, с тех пор как оказался здесь, я голодал. Какое-то время старался жрать траву и мох, напитавшиеся влагой во время дождей, но каждый раз моя трапеза заканчивалась неудержимыми приступами рвоты.

И дело не в отвратительном запахе и вкусе местной растительности, я оголодал настолько, что для отвращения просто не осталось места. Мой организм отторгал любой съеденный кусок, и я ничего не мог с этим поделать. После каждого приступа рвоты я чувствовал себя ещё более обессиленным, чем раньше.

Наконец, поняв, что такая еда впрок не пойдёт, перестал есть вообще, и ни разу не ел уже три дня. Позавчера мне стало даже немного лучше, чувство голода притупилось, почти даже исчезло, ко мне даже вернулись силы… Но сегодня… сегодня голод и усталость словно возросли в сотни раз. Я едва ковылял. Возможно, к концу дня сил останется только на то, чтобы ползти.

Зачем об этом думать? Зачем вспоминать все муки, которые я перенёс? Лучше вспомнить что-нибудь хорошее…

Но в голову лезли только тонны ржавого металла, осыпавшиеся окопы, разгромленные бункеры, песок и жёлтая пожухлая трава, торчащая пучками посреди практически безжизненной пустыни.

Вспоминался отвратный вкус коричневатого мха, жестокие боли в желудке, голод, усталость и холод. О, как я мёрз ночами… Мёрз чудовищно, сжимаясь в комок, чтобы сохранить хоть каплю тепла в своём окоченевшем и одеревеневшем теле, в мышцах, бьющихся в судорогах.

А головная боль? Сегодня она почти не напоминала о себе, но в первые пару дней мигрени сводили меня с ума. Пару раз я даже терял сознание. И каждый приступ головной боли сочетался всё с тем же с диким жжением в левом глазу. Я не мог объяснить природу этой боли, как, в общем-то, и то, как вообще оказался посреди этой пустыни.

Хотя бы красные пятна меня покинули, кажется, навсегда. С другой стороны, несмотря на их отсутствие, я был практически уверен – с выбранного направления я не сбился ни на йоту.

Но сегодня всё кончится, я умру.

«Хоть бы просто заснуть и не проснуться», – подумал я. Да, это и вправду была бы отличная смерть. Но, скорее всего, я буду мучиться ещё долго. Лежать не в силах подняться, страдая от холода и жажды. Дёргаться, стараться ползти дальше. Извиваться, скрести по земле ладонями, стараясь продвинуться хоть на шаг вперёд. И все эти старания будут тщетны.

Эти мысли подстегнули меня, я даже принялся лихорадочно раздумывать о том, как выжить, как уцепиться за те крохи сил, что ещё были во мне, но это

продолжалось недолго. Спустя сотню или две шагов меня снова захлестнула безнадёга.

И, что удивительно, я начал вспоминать.

Глава вторая

– …хочешь?

– А? Что? – переспросил я, поворачиваясь к девушке, подсевшей ко мне на скамью пару минут назад. – Вы мне?

– А здесь есть кто-то ещё? – улыбнулась незнакомка.

– Нет, – буркнул я.

Девушка выглядела странновато. И дело не только в одежде, сшитой будто в начале прошлого века. Идеально уложенная причёска и выточенные ногти сочетались (вернее, не сочетались) с полным отсутствием макияжа и двумя грязными полосами на левой щеке. У неё отличная фигура, но она откровенно некрасива – слишком тонкие и короткие губы почти не скрывали торчащие вперёд крупные зубы, чересчур курносый нос, а левая скула настолько острее другой, что эта асимметрия сразу бросалась в глаза.

– Ну, так что? – продолжила расспросы моя нечаянная собеседница.

– Я прослушал вас, извините.

– Хочешь, чтобы всё это изменилось?

– Что – всё это? – несколько нервно переспросил я.

Она наркоманка? Точно, наркоша, сейчас предложит “мультики” посмотреть или что-то в этом духе. Не было бы рядом её дружков.

Незнакомка таинственно улыбалась, не отвечая.

«Спокойно», – сказал я сам себе. – «Зачем нервничать?»

Вокруг никого, хоть в темноте это и довольно сложно определить. Время уже четыре часа ночи, все гопники спят давным-давно. Да и нет их почти здесь. Я снимаю квартиру в хорошем районе, кругом понатыканы камеры, при любом шуме сразу прилетает охрана. Просто наркоманка решила толкнуть мне дури, чего беспокоиться-то? Денег с собой у меня всё равно почти нет, убивать меня не за что.

Или, быть может, это вообще безобидная умалишённая. Иначе как растолковать эту её фразу «Хочешь, чтобы всё это изменилось»? Вот-вот, либо эта девушка – драгдиллерша, которая сейчас предложит мне начать новую разноцветную жизнь, либо дурочка, которую богатые родители вывели на прогулку ночью. Мало ли, детишки дразнятся или, например, к собакам она лезет, они же добрые почти все, тихо помешанные-то…

Не мысли же мои она читает…

– А вдруг? – продолжая улыбаться, спросила моя собеседница. – Ведь тебе это надоело. ВУЗ, подработка, излишняя забота родителей. Одиночество, тоска, разочарование в людях.

– Не понимаю, о чём вы, – почти истерично прошептал я. Что-то в незнакомке внушало мне иррациональный страх. Надо бежать, бежать, пока не поздно. Скорее всего, потом я буду смеяться сам над собой, но пусть лучше потом мне будет смешно, чем сейчас настолько страшно.

Но я продолжал сидеть, будто примёрзнув к деревянной скамье.

Я затянулся сигаретой, которую всё ещё держал в руках, но понял, что она погасла, а пепел упал мне на штаны. Отряхнувшись, я закурил, надеясь, что моя нечаянная собеседница уйдёт.

Но она молча сидела рядом, и улыбка не сходила с её тонких губ.

– Запах бензина, – неожиданно продолжила незнакомка, когда я уже почти пришёл в себя, выкурив уже половину сигареты. – Тебе ведь нравится запах бензина. Ты, возможно, сам этого не понимаешь, но ты ассоциируешь его с развитием человечества, с прогрессом, высокими технологиями и благополучием.

Я долгое время молчал, сидя с тупо открытым ртом.

– Да кто ты такая?! – издал я, наконец, вопль.

Мне казалось, будто я сижу абсолютно голый перед этой странной девушкой… нет, перед всем миром. Чувство было таким, будто меня вывернули наизнанку. Или я лежу на операционном столе с вскрытыми животом и грудной клеткой. Но изучали не мои внутренности, а моё «я», мой внутренний мир.

– Что, нахрен, происходит? – прошипел я, понизив голос. – Ты следишь за мной?

– Неважно, что сейчас происходит, – совершенно серьёзно ответила незнакомка. – Неважно, кто я такая, по крайней мере – пока. И нет, я за тобой не слежу, я вижу тебя впервые в жизни. Важно другое. Чего хочешь ты.

– Я хочу уйти, – холодно сказал я, справившись с шоком. Но, повинуясь какому-то дурацкому желанию узнать, чем всё это кончится, остался сидеть на месте.

– Не хочешь, – произнесла девушка, снова обнажая кривые жёлтые зубы в таинственной улыбке.

Я поймал себя на мысли: несмотря на её отвратительную внешность, в ней что-то есть. Тайна, которая читалась в улыбке, глазах. И что-то ещё. Другое. Чуждое. Непонятное.

– Тебе плохо? – спросила незнакомка.

– Нет, – солгал я.

– Ты хочешь изменить всё это?

– Не понимаю…

– Понимаешь, не лги мне.

– Если скажу, что – да, будто что-то изменится, – горько произнёс я. Моя нервозность прошла, накатила тоска, мучившая меня уже долгое время.

Нет, меня не бросила девушка, не отчислили из университета, у меня нет проблем с родителями или друзьями. Я просто устал. Почувствовал себя лишним, ненужным. Чёрт, я даже не понимал причины нахлынувшей на меня апатии. Просто стал другим. Сначала это доставляло мне странное, садистское удовлетворение. «Я повзрослел», – гордо говорил я сам себе, а сам ночами кусал подушку, стараясь справиться с глухой тоской, пожирающей меня. Я продолжал жить и улыбаться, скрывая за улыбкой зубовный скрежет. Нет, я не думал о суициде, никогда не думал, всегда хотел жить, и с этим «взрослением» ничего не поменялось. Но – жить не так, как живу сейчас.

– Изменится, – пообещала мне незнакомка, отвлекая от мыслей. – Стоит только захотеть, и для тебя изменится абсолютно всё.

– И что же произойдёт? – насмешливо спросил я.

– Хочешь узнать?

Прежде чем ответить, я долго изучал лицо своей собеседницы, озарённое – по-другому и не скажешь – всё той же таинственной улыбкой.

– Хочу… – прошелестел в ночи мой тихий шёпот. Мне показалось, что это слово полетело от меня к этой некрасивой девушке, вспыхнуло ярко-красной краской и отпечаталось в ночной темноте, как надпись красными чернилами на белоснежной бумаге.

Что-то кольнуло мой большой палец правой руки. Вздрогнув, я поднял руку и увидел в свете фонаря, под которым стояла скамья, крупную каплю крови.

– Контракт заключён, – деловито произнесла незнакомка, поднимаясь со скамьи. – Ты молодец, Алексей.

– Кто ты? – прошептал я, глядя в спину странной девушке.

– Продавец грёз, разве не ясно?

– И о чём я мечтаю?

– Чтобы всё изменилось, ты же сам сказал. Не волнуйся, ты поймёшь, когда это произойдёт. Прощай.

Незнакомка растворилась в ночной темноте, а я остался сидеть в свете фонарей, тупо глядя ей вслед.

Удивительно, но в моей душе забрезжила искорка надежды.

* * *

«Тогда я ещё раз покурил и пошёл домой, – вспоминал я, шагая по влажной траве. – А проснулся здесь. Уже неделю я умираю от жажды, голода и холода. Об этом я мечтал?»

Конечно же, нет. Но «продавец грёз» не солгала, действительно всё изменилось. В худшую сторону. Но скоро всё поменяется окончательно… Скоро. Надо только подождать.

Мою правую ступню пронзила боль. Я упал, инстинктивно подтягивая ногу к животу. Понимание того, что ждать осталось не так уж и долго, пришло очень быстро.

Из и без того израненной правой ступни торчала какая-то ржавая железная хреновина размером с приличный гвоздь. Что ж, рано или поздно, это должно было произойти, сетовать на неудачу нет никакого смысла. Превозмогая боль, я вырвал железяку, непроизвольно отметив, что она покрыта отвратительными зазубринами. Зашвырнув железку как можно дальше, тяжело откинул голову на пожухлую траву. Громко вздохнув, закрыл глаза, повернулся на бок и постарался расслабиться.

От кровопотери я, конечно, не умру, но в таких условиях запросто заработаю столбняк или чего похуже. Что ж, быть может, так будет ещё проще…

Интересно, умирать – это больно?

Не знаю, сколько лежал так, с закрытыми глазами, не думая ни о чём. Возможно, даже немного вздремнул. По крайней мере, мутные и скомканные видения родителей, друзей и единственной девушки, чувства к которой можно было охарактеризовать словом «любовь», могли прийти ко мне во сне.

От сна – или бреда наяву – меня отвлёк хрипловатый мужской голос. Говорил, определённо, человек, но я не понял ни слова. Решив, что это предсмертная галлюцинация, я даже не раскрыл глаз, чтобы поискать источника звуков.

В чувство меня привёл не сильный, но вполне ощутимый пинок в рёбра. Инстинктивно свернувшись в комок, я раскрыл глаза.

Надо мной стоял заросший бородой по глаза тип крепкого телосложения. Его одежда выглядела странновато, хотя её крой был вполне привычным – кожаная куртка, штаны из плотной ткани, похожей на джинсовую, высокие ботинки. А вот на его груди висело нечто странное, но достаточно устрашающее. Приклад, вроде есть, ствол – тоже. Наверняка это оружие. Я, всё ещё лёжа на боку, попробовал поднять руки и вслух произнёс:

– Сдаюсь.

Мужчина снова что-то произнёс, но я по-прежнему не понимал ни слова, даже интонации его голоса казались чуждыми, непривычными. Впрочем, с иностранцами так бывает.

– Ничего не понимаю, – честно сказал я. – У вас будет что-нибудь пожевать? Хоть сухарик?

Очередная непонятная фраза, за которой последовал пинок в бедро. Может, он приказывает мне встать? Да, скорее всего. Плевать, пусть он окажется хоть работорговцем, только бы покормил. Я попытался встать, но сил не осталось совершенно. Не говоря ещё и о боли в ступне.

– Не могу, – пробормотал я. – Нога, – я указал на повреждённую ступню.

Бородатый внимательно осмотрел место, куда я указывал, подёргал головой и снова подтолкнул меня ногой, на этот раз куда мягче.

Тяжело вздохнув, я с огромным трудом встал на четвереньки, но подняться на ноги сил у меня не осталось. Кажется, незнакомец, наконец, это понял. Он помог мне встать и недвусмысленно подставил правое плечо, на которое я с удовольствием опёрся. Бородач что-то проворчал, и мы медленно заковыляли вперёд. Уже после второго десятка шагов нежданный спаситель практически тащил меня на себе, чем я бессовестно пользовался. Всё-таки неделя голодовки истощила меня, и не только в физическом плане, но и моральном тоже. Я готов был разрыдаться от счастья и, пуская слюни, упасть в колени своему избавителю. Ещё бы чего-нибудь пожевать…

К счастью, идти пришлось недолго. Мы добрели до очередного разрушенного бункера, за которым на небольшой высоте висел…

– Дирижабль, – пробормотал я. – Мать его, дирижабль… Вокруг разрушенные боевые машины, роботы, а тут дирижабль…

Бородатый что-то пробурчал и резким движением забросил меня на закорки. Мои конечности безвольно болтались, как у марионетки, которой обрезали нитки. К дирижаблю мы поворачивать не стали. Мой спаситель прошёл вдоль полуразрушенной стены бункера и бесцеремонно забросил меня в дверной проём.

Глухо охнув, я грохнулся на жестяной пол и остался лежать. Остатки сил, которых пару минут назад едва хватило только на то, чтобы подняться на четвереньки, совершенно покинули меня. Случись со мной такое вчера… даже не хочу думать. Я дошёл. Нашёл людей. Пока это главное.

Рядом послышались голоса, мужские и женские. Кто-то принялся трясти меня за плечи, тискать, и каждое прикосновение причиняло боль. Я, глухо постанывая, пытался вырваться, но без какого-либо толка.

Наконец, меня подняли на руки и куда-то понесли. Спустя ещё какое-то время моё безвольное тело положили на что-то мягкое. Мягкое относительно

жестяного пола, конечно. Мою голову крепко ухватили небольшие ладони, тряхнули.

Я открыл глаза. И буквально утонул в огромных глазах неестественного, лиственно-зелёного цвета. Я вздрогнул, замычал, стараясь вырваться, но все мои попытки были тщетны. В мои уши начали проникать слова, одна фраза. Она повторялась и повторялась, вводя меня в транс.

– … послушай меня, усни… – различил я, прежде чем отрубился.

Глава третья

Ныла буквально каждая клетка моего истерзанного тела. Но голод был куда сильнее боли. Желудок словно бился в агонии, судорожно сжимаясь в спазмах.

Раскрыв глаза, я сначала не понял, где нахожусь. Явно не у себя дома. В царящей в помещении полутьме угадывалось запустение. Железные стены и потолок не украшало ничего, кроме пятен ржавчины и клочков паутины, а сама комнатка была настолько маленькой, что моя кровать занимала почти половину помещения. Повернув голову набок, я увидел небольшой столик и ничем не укрытую железную же кровать. Один сплошной металл…

Тем не менее, меня кто-то заботливо укрыл тонким одеялом, а под головой даже лежала подушка. Эдакая подушка-блин, если судить по ощущениям. Но это всё равно лучше, чем спать головой на земле.

Вспомнив, что со мной произошло за последнюю неделю, резко сел, но мою левую половину головы пронзила такая дикая боль, что я с тихим мычанием снова повалился на кровать. Когда боль немного утихла, я предпринял вторую попытку сесть, на этот раз действуя куда осторожней. Перед глазами летали серые мухи, к горлу подступала тошнота, но, в конце концов, мне удалось принять сидячее положение.

– Твою мать, – прошептал я вслух, чтобы разбавить давящую тишину, царящую в каморке. – Почему башка-то так болит?

Мне, конечно же, никто не ответил. Тяжело вздохнув, я укутался в одеяло. Тело едва повиновалось мне. Я был как муха, угодившая в мёд. Или, чего уж греха таить, куда похуже мёда. Но о слабости или том, где я, в конце концов, очутился, пока можно не думать. Я жив – и пока это самое главное.

О том, что я совершенно не знаю, какая судьба меня ждёт, и куда делись люди, нашедшие меня, тоже пока лучше не размышлять, незачем изматывать себя попусту. Если они подобрали меня, а потом бросили, улетев на своём дирижабле, даже не буду их винить. В любом случае, сейчас я в лучшем положении, чем раньше.

За жизнь нужно цепляться, нельзя её отпускать. Несколько дней назад я оказался непонятно где, но справился с паникой и испугом и пошёл на поиски спасения. Когда я умирал от жажды, начался спасительный дождь. Я почти сдался, готовясь умереть от голода и слабости, проткнул себе ногу, однако меня подобрали и притащили сюда. Пусть это лишь продлит мою агонию, но у меня снова появился шанс, и чем дольше я живу, тем больше вероятность того, что случится очередное чудо.

– … есть? – раздался рядом приятный женский голос.

Вздрогнув от неожиданности, я повернул голову в сторону входа. В дверях моей каморки стояла незнакомая девушка. На вид ей было лет пятнадцать-шестнадцать, но голос звучал так, будто девушка была куда старше, хотя я мог и ошибаться. Невысокая, худощавая, с красивым лицом. Никогда не видел её раньше, но узнал глаза. Огромные зелёные глазищи, казалось, поглотившие меня какое-то время назад. В полутьме я заметил странную деталь – из уголков глаз будто вытекало что-то тёмное, но, присмотревшись, понял, что это горизонтальная татуировка или рисунок, доходящий практически до середины щеки.

– … есть? – повторила вопрос девушка.

– Не понимаю, – пробормотал я в ответ.

– Понимаешь, – резко сказала девушка. – Ты… есть?… отвечай… есть?

– Хочу я есть? – предположил я. И вздрогнул, услышав звуки своей речи. Я говорил на совершенно незнакомом мне ранее языке.

– … – бросила незнакомка. По интонациям, немного чуждым, но уже вполне понятным, я понял – ответ утвердительный.

– Я хочу есть, – произнёс я увереннее.

– … нельзя, можно … пить, – сухо ответила девушка. – Поспишь……. можно…. только……. понимать…… лучше. – Незнакомка бесшумно вышла из дверей.

Я попробовал позвать её, просил остаться, но не смог вспомнить ни слова.

– Я хочу есть, – разочарованно произнёс я. И, подумав, добавил: – И пить.

Но девушка с татуировками на лице уже ушла. Тяжело вздохнув, я снова лёг на кровать. Впрочем, чего вздыхать? Меня не бросили, может быть, когда-нибудь даже покормят, я почему-то начал понимать часть иностранных (или, скорее всего, инопланетных) слов. За последнюю неделю возможность такого исхода казалась мне просто чудом! Но сейчас чудо свершилось.

«Очередное небольшое благое чудо из списка, следующего после одного большого, но жутко неприятного», – угрюмо подумал я.

А чем ещё считать моё попадание сюда, кроме как не чудом? И сюда – это куда? В другой мир? Будущее Земли? Бред… фантастика… Но я действительно оказался в этой фантастический ситуации, и не верить своим глазам, всему, что я увидел за последние несколько дней, не могу. Как говорилось в одном хорошем романе: тот, кто не верит своим глазам – мудак.

Можно, конечно, надеяться, будто я просто сошёл с ума, и скоро меня откачают врачи в психушке. Но это будет очередным чудом, а их запас, боюсь, иссякает. Да и намного ли лучше будет оказаться в психбольнице, чем в новом, совершенно незнакомом, мире?

Санитары, слышите? Я выбираю новый мир. Буду ползать по руинам в поисках сокровищ, абсолютного оружия, Золотого Шара. Или чем тут ещё занимаются?

Может, сдают останки боевых роботов в металлолом? Разберусь.

Пока же мне остаётся только лежать на неудобной кровати, пялиться на голые стены и надеяться на лучшее.

И лучшее пришло вместе с моей спасительницей, несущей в руках миску.

– Сядь, – приказала мне незнакомка. Когда я повиновался, она протянула мне миску и произнесла: – Пей…, понял?

Скорее всего, она сказала мне пить медленно, но, даже если бы я понял слово «медленно», то не послушался бы. Даваясь и обливаясь, вылакал содержимое миски в один момент. Как я узнал позже, пойло было отвратным на вкус, едва тёплым, но в тот миг, мне казалось, что я выпил что-то великолепное. Наверное, даже прослезился от счастья. Эффект зелья ещё больше поднял мне настроение – я буквально чувствовал, как сердце забилось в моей груди с новой силой, а мышцы наливаются силой.

– Есть, – умоляюще произнёс я, возвращая пустую миску.

– Нельзя, – резко ответила девушка.

– Хочу есть.

– Нельзя. Вредно.

– Лучше, – кивнул я. Слово «хорошо» упорно не шло на язык.

– … – повторила девушка то же слово, которым в прошлый раз выражала утверждение, но сейчас оно звучало как похвала.

– …? – с трудом произнёс я, всё ещё не понимая смысла.

– … – подтвердила незнакомка. – Спи. – Она поднялась и так же бесшумно покинула помещение.

Проводив её взглядом, я положил голову на подушку. Меня действительно клонило в сон… сон… сон…

* * *

Честь. Дирижабль. Утка. Кровь. Война. Ничтожество. Глагол. Человек. Местоимение. Сутулый. Ходить. Картина. Жёлтый. Ухо. Продавец. Мечта. Обман.

Жуткая боль буквально выворачивала мою черепушку наизнанку. Причём, болела не только левая половина головы, боль раскатывалась по всей черепной коробке, от лобной части до затылка. Она накатывала, усиливаясь, словно гром, потом немного утихала, но ненадолго, лишь для того, чтобы вернуться, став хуже в разы.

В глаза бил яркий жёлтый свет. Угол подушки-блина впивался в мой затылок не хуже гвоздя.

Застонав, я поднял голову.

Оказывается, в затылок мне упиралась вовсе не подушка, а железный угол столика, стоящего рядом с моим лежбищем. Это как же я спал, что оказался в полусидящем положении поперёк кровати?

У меня вырвался стон. Голова болела вовсе не из-за неудобной позы или железа, впившегося в затылок, она раскалывалась от информации, которую в неё кто-то вливал. Кто-то? Нет, я знал – кто. Эта зеленоглазая девушка. Наверное, она использовала что-то вроде гипноза, чтобы быстрее научить меня местному языку. Но как? А чему тут удивляться? Вернее, сколько уже можно удивляться? Действенный гипноз, позволивший мне во время сна учить чужой язык, не самое удивительное из произошедшего со мной за последнее время.

– Гипноз, – сказал я вслух. И с удовлетворением услышал чужую речь. – Дирижабль. Честь? Жёлтый? – Знакомые звуки, но их сочетание я слышал впервые, хотя и легко представлял их себе. – Забавно, – добавил я, стараясь говорить по-русски. Получилось, но с трудом. – Подчиниться гипнозу, – продолжил я экспериментировать с чужим языком. Но вот сказать: «Меня подвергли гипнозу» не получилось. Наверное, надо ещё поспать, чтобы

составлять более сложные предложения. – Горит свет. Потолок лампочка верх.

Нормальные предложения составлять не получается, но это уже лучше, чем ничего. Учить бы так английский в школе… Но размышлял я, кажется, всё ещё на русском. Или, скорее, какой-то чудовищной смеси местного языка и родного.

Я поднял голову и зажмурился. Округлая и почти плоская лампочка на потолке горела слишком ярко, но как убавить свет? И возможно ли это вообще?

– Ярко горит свет, – произнёс я, продолжая экспериментировать.

– …… я…… знаю, – буркнул кто-то из коридора. Слова звучали коротко, как предлоги или частицы, и я почти ничего не понял.

Повернув голову, я увидел своего бородатого спасителя, стоящего в дверях. Они тут что, все бесшумно ходят? Сапоги бородача должны были издавать настоящий грохот в пустых железных коридорах.

– Спасибо, – подумав, сказал я.

– ……?

– Спасение.

– Отработаешь, – грубовато сказал мужик, пряча в бороду улыбку. – Сейчас станет…… светло. Хочешь есть?

– Хочу.

– Сейчас… принесёт, я позову. … сначала убавлю свет.

Я кивнул и, опираясь на столик, попробовал подняться с кровати. И у меня вышло! Ноги подкашивались и дрожали, как желе, но по сравнению с тем, что было во время прошлого моего пробуждения, состояние организма улучшилось в разы. Если бы не зверский голод, можно сказать, я был почти счастлив. Я сел обратно на кровать и, прикрыв глаза, прислонился к стене.

Свет в комнате померк, потом снова стал ярким, и, наконец, через пару минут лампочка засветила приятным для глаз золотистым светом.

– Спасибо.

– Сейчас позову… – сказал бородач, дёрнув головой, что, видимо, означало утвердительный жест, и ушёл. Его тяжёлые сапоги громыхали по железному полу. Резкие звуки отдавались в голове болью, но уже не такой нестерпимой, как раньше.

Значит, он пришёл сюда до того, как я проснулся. Мне даже немного неуютно стало, причём, я с трудом мог понять – отчего. Во мне поселилось странное чувство опасности и неуверенности в каждом следующем дне.

Пару минут подумав над этим и так не поняв мотивов этих ощущений, я снова принялся экспериментировать с языком. В итоге пришёл к выводу, что хорошо знаю существительные, глаголы и местоимения; последних, впрочем, оказалось не так много. А вот с другими частями речи оставались проблемы – часть прилагательных, часть наречий и полное незнание вспомогательных частей речи. Ну, разве что, знал ещё «да» и «нет». Но общаться короткими предложениями уже смогу.

Моя гипнотизерша проникла в комнату так же бесшумно, как и в прошлый раз. И так же в её руках была миска с тем бульоном, которого, правда, в этот раз оказалось куда больше, чем в прошлый. Залпом выпив содержимое миски, я почувствовал себя ещё лучше. Правда, на этот раз скорость уничтожения бодрящей бурды, по вкусу напоминающей разведённые в воде дрожжи, обуславливалась вовсе не моей жадностью, а отвратным вкусом – я старался справиться с ней как можно быстрее, как с микстурой в детстве.

На этот раз, когда я вернул миску, зеленоглазая не стала никуда уходить. Поставив ёмкость на стол, она сказала мне:

– Поверни голову.

Я послушался. И снова утонул в её ярко-зелёных глазах. Не знаю, сколько это продолжалось, но, когда я понял, что я – это я, чувство было таким, будто меня выжали, как лимон.

– Продавец грёз? – тихо и с горечью в голосе спросила девушка. – … заключил договор с Продавцом грёз?

– Да, – дёрнул я головой, стараясь изобразить движение, сделанное бородатым.

– Молись, – коротко и неожиданно жёстко сказала девушка-гипнотизёр. – Спи.

Моего словарного запаса не хватило ни для того, чтобы спросить, кто это такие «продавцы грёз», ни для того, чтобы возмутиться, ведь спать совершенно не хотелось. Но, прежде чем я составил более-менее сносное предложение, снова вырубился, как младенец.

* * *

Мне снился маленький домик, стоящий посреди большого сада. К домику, огибая небольшой частично заболоченный пруд, вела тропинка. Когда-то стены этого дома были белыми. Сейчас их покрывала копоть и кровь. Обгоревшая крыша обвалилась, в больших окнах не хватало стёкол, а там, где они ещё остались, их обломанные края напоминали ухмылку какого-то хищного зверя. Распахнутая дверь болталась на одной петле, но войти в неё совершенно не хотелось, словно это была ловушка.

Несмотря на разруху, этот домик был мёртв лишь на первый взгляд. Где-то внутри в нём всё ещё теплилась жизнь. Не знаю почему, но мне казалось, что здесь живут дети. Грязные оборванные дети, повидавшие за свою короткую жизнь слишком много крови. Эти дети не были злыми, просто жестокими, но ведь они и не виноваты в том, что им достался уже разрушенный домик?

Взрослые в доме отсутствовали, иначе я бы их почувствовал. Все здешние взрослые уже давно гниют в земле.

Я стоял на тропинке, ожидая, когда появятся жильцы, но этого не происходило. Вместо них из-за дома вышла некрасивая девушка с кривыми зубами. Здесь она тоже была чужой. Или, скорее, гостьей, нечастой, но хорошо знакомой.

– Привет, – сказала она, таинственно улыбаясь.

– Привет, – кивнул я. Мне казалось, будто я уже где-то видел её, но не мог припомнить – где.

– Тебе здесь нравится? – спросила незнакомка.

– Нет.

– Почему?

– Здесь… – я замолчал, оглядывая домик. – Я чувствую боль в этом месте, – сформулировал я, наконец, свои чувства. – Мне кажется, что здесь живут дети, но не понимаю, как у них это получается.

– Дети не виноваты, что взрослые разрушили этот домик, – повторила мою мысль дурнушка. – Возможно, им даже удастся восстановить его.

– Я на это надеюсь.

– Конечно, надеешься. Ты бы хотел помочь им?

– Да, – кивнул я. – Почему бы и нет? Я же хотел, чтобы всё изменилось.

– Так ты доволен тем, что произошло?

– Нет. Я даже не знаю, куда попал и что должен делать. И всё же здесь я чувствую себя более живым, чем там. У меня словно появилась цель, цель, которой не было никогда. Думаю, я справлюсь. Но я не понимаю… – я замолчал.

Я не понимал ничего. Ни кто я, ни где я, ни что же всё-таки изменилось. Слова, сказанные секунду назад, казались полным бредом, будто кто-то вложил их в мои уста. Либо говорил за меня.

– Я не понимаю…

У меня закружилась голова. Я тяжело упал на колени, разбив их в кровь.

– Ты лишь ребёнок, как и те, кто живёт здесь, – произнесла незнакомка, приближаясь ко мне. Она действительно возвышалась надо мной, как скала. – Глупый ребёнок, который не знает, чего хочет. Но уже поздно. Ты уже живёшь в этом разрушенном домике. И тебе придётся его полюбить.

Я поднялся с колен, но девушка пропала. И тогда, стерев кровь с колен сорванной с края тропинки травой, я пошёл к домику.

Глава четвёртая

– Ты что-нибудь в этом понимаешь? – спросил Крог, потирая запачканной в мазуте рукой бороду.

– Ни шиша, – признался я. – Орайя просила сходить и спросить, не надо ли тебе чего-нибудь.

– Не надо ли чего-нибудь? – переспросил бородач. – Конечно, надо. Дизель надо на новый поменять. Бодрюша как можно больше, чтобы залатать дыры в газовых мешках. Металл-то для каркаса найдётся… А если ты лез на эту верхотуру, чтобы спросить, не хочу ли я есть или пить, то ты сделал это зря. Я ничего не хочу. Вот если бы ты приволок выпивки… – Механик тяжело вздохнул. – Но у этой засранки мелкой хрен чего допросишься. Капитан сказала, что в её отсутствие пить нельзя, – значит, пить нельзя.

Я кивнул. Сам бы не прочь выпить, но уж мне-то Орайя, мой личный врач и гипнотизёр, точно этого не разрешит. Вообще, за последние шесть дней я только в третий раз встал на ноги, а свою комнату покинул впервые.

Во время каждого пробуждения Орайя быстро выясняла у меня, как идёт процесс изучения языка, и снова погружала в сон. На мои вопросы девушка практически не отвечала. Единственное, о чём я от неё узнал, так это о том, что мне несказанно повезло: их дирижабль пришвартовался здесь за полчаса до моего появления. Ну, и ещё, что команда этого цеппелина состоит из семи человек, пятеро из которых уехали на машине за недостающими для починки деталями.

– А когда приедут остальные? – спросил я у Крога.

– Ну, – механик снова начал теребить свою бороду, – уехали они дней двенадцать назад, так что скоро должны вернуться.

– Подожди, – медленно сказал я, одновременно проводя простые расчёты в уме. – Двенадцать дней назад?

– Ну да, двенадцать. До города, в котором мы были на последнем деле, около тысячи километров. Должны уже скоро приехать.

– Но… Разве я спал двенадцать дней? Я же помню, что, когда ты меня принёс, в бункере было много людей.

– А ты сколько думал? А, – бородач рассмеялся. – Орайя тебе не сказала? Да уж, она девка молчаливая, впрочем, нет ничего хуже, чем болтливый охотник за головами. (Эта фраза была моим вторым шоком за этот день). Первые шесть дней ты спал, не просыпаясь. Не думал же ты, что она начала пичкать тебя нашим языком сразу? Поверь, Алексей, это бы тебя убило. Я-то в этом ни хрена не понимаю, но девчонка говорит, будто мозг потребляет массу энергии. Видел бы ты, сколько она съедала после того, как приходила от тебя. И, ты, наверное, не заметил, но она очень сильно похудела. Так вот, если бы она начала тебя обучать сразу, какприполз, ты бы умер от истощения. Ты и так едва жив был. Но Капитан чётко дала понять – она хочет, чтобы ты выжил. Уж не знаю, зачем ей это.

– Ясно. А… – я замялся. – А что будет со мной дальше?

– С тобой? Ну, отработаешь долг, потом уйдёшь, куда захочешь. Задолжал ты, кстати, не хило, тысячи три-четыре кредитов. Захочешь остаться у нас – останешься, если докажешь свою полезность, конечно. У нас в последней стычке как раз… кхм… – Бородач замялся и сделал вид, словно занят чем-то важным, хотя даже я понял – он перекладывает свои инструменты без какой-либо цели.

– Значит, если я захочу, то смогу остаться? – уточнил я.

– Конечно. Даже заработаешь кое-что. Если выживешь, конечно.

– А чем вы занимаетесь?

– Мы? – Крог усмехнулся. – А ты ещё не понял? Мы – свободные путешественники, мастера на все руки. Почта, контрабанда, пассажироперевозки, наёмные убийства. Мы занимаемся всем, лишь бы платили. Я – механик и рулевой. Второй механик – Эмена, моя дочь, она же и повар. Орайя, Корос и Дерек – убийцы. Авер – хрен пойми кто, делает всего понемногу, врачует в том числе. Ну и Капитан, она же главная рулевая. – Механик тяжело вздохнул и буквально просверлил меня взглядом. – Был ещё у нас Кайг, снайпер, но стычка, стоившая этому малышу дизеля и половины пузырей с газом, оказалась для него последней. Пулемётную установку на цеппелине видел?

– Нет, – покачал я головой.

– А она была. Но ничего, у нас ещё бронебойная винтовка есть, а после выполнения заказа хватит на новый пулемёт, получше старого. Может, даже на пушку. Если не сможешь стать снайпером, найдётся другая работа… Мы всем рады, лишь бы прок был.

– А я-то как рад, – пробормотал я.

Радовался я или грустил? Чёрт его знает. Одно я знал точно – моя жизнь действительно кардинально поменялась.

* * *

Пожалуй, стоит описать цеппелин, которому на неопределённое время предстояло стать моим домом.

Дирижабль, названный Капитаном «Непобедимым», имел сигарообразную форму, в длину он достигал метров ста пятидесяти, а диаметр составлял примерно четвёртую часть длины. Корпус летательного аппарата был сделан из тонких листов дюралюминия. Поначалу я решил, будто это броня, но дыры в тонких – едва двухмиллиметровых – листах эту мою теорию опровергли. Просто местные конструкторы сделали ставку на жёсткий корпус и не слишком-то экономили материалы. Не виню их в этом – сероватый металлический корпус выглядел устрашающе.

Наверное, из-за цвета я поначалу и не заметил эту махину – когда Крог нашёл меня, уже смеркалось, и увидеть сероватый корпус на фоне темнеющего неба было не так просто. Да и в тот день дирижабль, благодаря весу машины, висел над землей куда ниже, чем сейчас.

Помещения располагались внутри корпуса, из-под аэростата выглядывала только рубка управления, да под оперением торчали два винта.

О воздушном бое, в котором погиб снайпер, а корпус цеппелина был так сильно повреждён, механик рассказывал скупо и без особых подробностей. Часто и вовсе пожимал плечами, предпочитая не отвечать на глупые, по его мнению, вопросы. Эта стычка являлась настолько обыденным делом, что уже через две недели о ней мало что удавалось вспомнить.

Раздражение механика проявлялось лишь при упоминании повреждений, которые оказались слишком серьёзными для обычной стычки. Правую сторону корпуса буквально изорвало в клочья пулями, из-за чего пять из двенадцати мешков с гелием пришли в негодность, а от пулемётной установки и, следовательно, пулемёта вместе с уймой патронов остались лишь воспоминания. От пулемётчика, понятное дело, тоже, но его механик особо не жалел – парень не прожил на борту и недели. Материалы для Крога были куда ценней малознакомого человека.

Обрадовавшись предложению остаться, я резко поумерил свой оптимизм. Команде требовался стрелок, и, за неимением альтернативы, им предстояло стать мне. Сложив два и два, я понял, почему так сильно пострадала именно правая часть дирижабля – виной тому как раз пулемётная установка. Значит, мне предстояло занять самую опасную должность в команде. Я даже подумывал о том, чтобы потихоньку смыться, но не рискнул: тысяча километров до ближайшего города – слишком большое расстояние, чтобы его можно было пройти пешком, не имея ни каких-то запасов продовольствия, ни оружия. К тому же, незнание местных обычаев могло плохо отразиться на состоянии моего здоровья. Я мог попасть в рабство (мало ли, на Земле оно даже в развитых странах широко практиковалось до девятнадцатого века), загреметь в тюрьму, а то и вовсе заблудиться и погибнуть. Кроме того, мне не хотелось вновь садиться на диету, едва не стоившую мне жизни.

Но больше всего меня беспокоило отсутствие оружия. Умом-то я понимал, что у человека, имеющего, к примеру, винтовку, куда больше шансов нарваться на пулю, выпущенную таким же вооружённым придурком, но жажда раздобыть что-нибудь убийственное перебарывала логику. Без оружия я чувствовал себя абсолютно голым. Наверное, это было чем-то вроде инстинкта. Теперь я понимал, почему люди в фильмах или книгах во время каких-то бедствий или апокалипсиса вооружаются и стреляют друг в друга, вместо того, чтобы договориться и жить мирно. Дело в страхе. А пистолет или автомат под рукой помогают его перебороть, почувствовать себя уверенней.

Но моя жажда завладеть хотя бы мушкетом обуславливалась не только этим инстинктом. Я попал в другой мир, где два дирижабля, встретившись в небе, могут без переговоров начать перестрелку. В этом случае оружие мне просто необходимо.

Хуже того, обладание оружием означало то, что мне придётся им пользоваться. Я не пацифист и не ханжа. Я понимал, в случае, когда судьба предоставит мне выбор стрелять или быть убитым, на самом деле выбора никакого и не будет. Когда здесь и сейчас решается: жить тебе дальше или умереть – не время рефлексировать и размазывать сопли по щекам. Но сама мысль о том, что мне придётся кого-то убить, как будто уже была убийством, она будто бы вырывала меня из привычного мира…

… в котором я уже не находился.

Началась новая жизнь, и я сам могу решать, кем быть и как себя вести. Не скажу, будто я этому слишком радовался, но в моей жизни исчезла всякая определённость, и это щекотало нервы.

Чтобы подумать об этом у меня был целый день. Когда я проснулся, Орайя обследовала меня – введя в транс, конечно – а потом сообщила, что я полностью восстановился. Я хотел поговорить с девушкой, но та, проигнорировав все мои вопросы об этом мире и, главное, об исполнителях желаний, ушла, оставив то же отвратное пойло в миске в качестве завтрака. К счастью, сегодня в витаминном бульоне плавало ещё и два размокших сухаря. Позавтракав, я напялил выделенные мне из запасов Крога штаны, которые оказались мне коротковаты, и рубаху, повисшую на мне мешком, и направился на поиски механика. Но и с ним поговорить не удалось – бородач был слишком занят дизелем, так что в ответ на все вопросы я получил приличную порцию ругани и совет дождаться Капитана.

Маясь от скуки, я побродил по окрестностям, но ничего интересного не нашёл – та же выжженная земля, местами покрытая короткой рыжей травой, те же ржавеющие железные монстры. Бункер я изучил ещё вчера, кроме коридоров, комнатушек, пары заставленных столами и стульями столовых и трёх комнат отдыха, там были только разбитые в хлам проржавевшие пулемётные установки да пушки. Поэтому я пошёл в свою комнату и весь день плевал в потолок, размышляя о своей нелёгкой судьбе и возможных её исходах.

А вечером вернулась остальная часть команды «Непобедимого».

Глава пятая

– Это машина? – сглотнув, спросил я.

– Ну да, а чему ты удивляешься? – хмыкнул Крог. – Машина экстра-класса. Практически совершенство. Небось, ты таких в жизни не видел.

И действительно, чему я удивлялся? Нет, я, конечно, предполагал, что машина не будет походить на привычные мне модели, но это… В общем, это тот случай, когда машина не роскошь, а средство передвижения.

С жутким грохотом, со скоростью бегущего трусцой человека на нас плёлся монстр, за которым развевался шлейф чёрного дыма. Огромный, размером с грузовик, агрегат имел тупой треугольный «капот», обшитый бронёй, пулемётную турель на крыше низкой кабины, занимающей почти всю длину «автомобиля», и гусеничную тягу. В общем, машина напоминала жутковатый гибрид локомотива с танком и трактором одновременно. Грузовая площадка, которую мне удалось рассмотреть только в момент, когда железное чудище остановилось, располагалась в хвосте агрегата, имела крохотные размеры, большую её часть занимала разобранная пулемётная турель.

– Оно что, на паровом ходу? – спросил я у механика, когда это стало возможно – громыхало средство передвижения ужасно.

– Ну да.

– Так у вас же есть дизели?

– А ты знаешь, сколько они стоят? Нам и эта машина влетела в такую сумму… А если на неё поставить дизельный двигатель, она стала бы ещё раза в полтора дороже.

Я кивнул, это мне в голову не приходило. Выходит, всё-таки роскошь…

– И вообще, – продолжил Крог, – этот дирижабль мы угнали, большинство всё ещё на ручном ходу летают. На новый пулемёт у Кэпа денег, кстати, не было… что-то, выходит, она продала. Или парни грохнули кого-то за деньги.

– Ясно.

Остановившись, машина продолжала трястись и испускать дым. Увидев в окнах несколько лиц, я помахал рукой. Ответила мне только круглолицая румяная девушка, видимо Эмена, дочь Крога. Что ж, особых нежностей от наёмников я и не ожидал.

– Ну-ка на хрен! – заорал бородатый механик, чуть не оглушив меня. – Не жгите зазря уголь, мать вашу!

– Не ори! – рявкнула на него появившаяся из люка на крыше женщина в очках с роговой оправой. – Или ты его из топки доставать хочешь?!

– Не хочу, Капитан, – мигом стушевавшись, сказал Крог.

– Вот и молодец. – Женщина вылезла из люка и, переступив щит, который должен был защищать пулемётчика во время боя, ловко спрыгнула на землю с трёхметровой верхотуры машины. – Ты, значит, голозадый, – буркнула она, приближаясь.

– Алексей, – представился я.

– Капитан. Так меня и зови, понял?

– Понял.

Капитан была весьма симпатичной голубоглазой блондинкой лет тридцати. Пожалуй, портили её только жутковатые очки, напоминающие печные заслонки, и слишком широкие для женщины плечи. Ну и немного одежда, практически скрывающая фигуру – плотные брюки, китель да высокие кирзовые сапоги, только пилотки или фуражки не хватало. Не нравятся мне девушки в форме… И с оружием – на поясе у теперь уже моего босса висел пистолет, напоминающий «Маузер».

Но долго мне себя рассматривать Капитан не дала.

– Где Орайя? – резким голосом спросила она.

– Часа три уже не видел, – пробурчал Крог.

– Угу, – кивнул я, как попугай. Вообще, чувствовал себя немного неуютно. Даже чуть-чуть побаивался.

– Тебя никто не спрашивал, – осадила меня Капитан. Через секунду её лицо приобрело задумчивый вид. – Что делать-то? – спросила она сама у себя, теребя подбородок большим и указательным пальцем. – Ладно! Ты, как там тебя. – Тычок пальцем мне в грудь. – Идёшь за мной. Крог, помогаешь разгрузить машину. Увидишь эту соплячку, скажешь, что мне надо с ней поговорить.

– Есть, – кивнул механик, вытянувшись по струнке, разве что честь не отдал. Подумав об этом, я понял, что и сам стою по стойке «смирно».

– Чего встал? – довольно резко и с долей ехидства спросила у меня Капитан. – Я, кажется, отдала приказ.

Чуть не подпрыгнув на месте, я быстро зашагал в сторону бункера.

В моей комнате командир дирижабля уселась на мою же кровать. Положив ногу на ногу, она выглянула из-за своих печных заслонок и буркнула:

– Рассказывай.

Я вкратце обрисовал свою старую жизнь, встречу с Продавцом грёз и путешествие по пустырю.

– Бесполезен, – констатировала Капитан, когда я закончил. – Оружие в руках не держал, в механике ни черта не понимаешь, в медицине ещё меньше, и вообще – увалень домашний. И, если бы Орайя не подтвердила, что ты действительно пришлый, я бы сейчас же вышвырнула тебя отсюда – психи в команде мне не нужны.

– Угу, – кивнул я, покрываясь испариной.

– Не бойся, здесь не бросим, – усмехнулась моя собеседница, или скорее – мой дознаватель. – Но у нас здесь не богадельня, сам понимаешь. Мне на корабль нужен стрелок, а нанимать профессионала – дорого. Особенно, если этот профессионал гибнет в первом же воздушном бою. Посмотрим, как ты справишься с оружием, в противном случае будешь помогать Эмене по кухне и мыть полы. За лекарства, лечение, еду и одежду с тебя две с половиной сотни кредитов, ещё пять тысяч – за перевозку до города.

– Простите? – пробормотал я, лихорадочно облизывая пересохшие губы.

– Ну, ты же, будь у тебя деньги, покинул бы нас в ближайшем городе?

– Да. Наверное.

– Ну вот, пять тысяч кредитов за доставку. Можешь, конечно, остаться здесь, я могу простить покойнику долг в две с половиной сотни кредитов, но мне кажется, так ты не поступишь. Пока ты назначен стажёром на дирижабль. Жалование, с вычетом еды, пятьсот кредитов в месяц. Время стажировки – три месяца, плюс-минус, как себя покажешь. Справишься с оружием, будешь получать втрое больше, не справишься – станешь поломойкой с жалованием в триста кредитов. Всё понял?

– Да…

– Вот и молодец, – Капитан жёстко улыбнулась и, поднявшись с кровати, хлопнула меня по плечу. – Добро пожаловать в команду.

– Спасибо, – процедил я, стараясь вложить в благодарность такую же долю сарказма, как и в последнюю фразу моей новой нанимательницы.

Итак, меня спасли, взяли в команду и отвезут в город. Замечательно. На меня повесили, очевидно, не маленький долг. Уже хуже, но я ведь и не верил в человеческую бескорыстность? В лучшем случае мой долг удастся оплатить за десять с половиной месяцев… В худшем – почти через полтора года. И это если совсем не тратить деньги, но вряд ли мне это удастся.

Вот такая получается жизнь в ипотеку. Впрочем, с ипотекой я бы попал в долговую яму на куда больший срок.

В любом случае, у меня появилась возможность прожить ещё хотя бы несколько дней. И этим нужно пользоваться.

* * *

Здешняя луна была прекрасна. Я смотрел на неё не в первый раз, но только сейчас увидел её красоту. Возможно, дело в том, что я первый раз наблюдал за движением огромного по земным меркам голубоватого диска сытым, одетым и отдохнувшим, впервые любовался им, а не проклинал.

Глубоко вдохнув холодный ночной воздух, я потянулся и громко выдохнул, издав при этом кряхтящий звук. Попробовал улыбнуться, и улыбка, пусть и не очень счастливая, выползла на мои губы.

Да, как бы то ни было, жизнь налаживается. Дрожащий диск луны будто бы подмигивал мне, соглашаясь. Интересно, отчего это дрожание? Из-за более толстой атмосферы? Может да, а может, и нет, я не очень-то разбираюсь в астрономии. Наверняка здесь чудовищные по силе приливы… или луна на самом деле не такая уж и большая, просто вращается ближе к планете?

Я сунул руки в карманы и, сгорбившись, поплёлся в бункер. Наверное, все уже спали. Мне же, проспавшему почти две недели подряд, в постель не хотелось. Поэтому, сев у входа своего нового пристанища, я принялся вспоминать события этого вечера.

Сначала появилась Орайя. Капитан сразу увела её в столовую – единственную комнату, у которой закрывалась дверь. Разговор почти сразу начал вестись на повышенных тонах, но это, видимо, было в порядке вещей. О чём они спорили – неизвестно, да я и не слишком-то хотел подслушивать. Примерно через четверть часа девушки вышли из столовой, раскрасневшиеся и злые. Ещё через полчаса была завершена разгрузка грузовика, и мне представилась возможность познакомиться с остальными.

Корос и Дерек – братья-близнецы, похожие друг на друга как две капли воды, белобрысые и голубоглазые. Они даже разговаривать начинали одновременно, и так же одновременно начинали орать друг на друга. Хотя, их постоянные склоки выглядели скорее шутками. Понаблюдав за ними некоторое время, я понял, что не так-то они и похожи – один был дёрганый, взбалмошный, другой наоборот спокойный, с холодными недобрыми глазами, но кто из них Корос, а кто Дерек, я так пока и не понял. По словам Крога ребята были опытными наёмными убийцами, но худые белокожие лица не выражали никакой агрессии. Если бы не холодный взгляд одного из них, я бы никогда не поверил в то, что эти забавные задиры вообще способны кого-то убить.

Относительно них Авер выглядел настоящим головорезом. Высокий и широкоплечий верзила с мрачным взглядом. Во время первой встречи он взглянул в мою сторону так, словно в любой момент мог прыгнуть на меня и задушить. Два шрама на лице делали его вид ещё более устрашающим. Но, как выяснилось позже, оружие в руки он брал только сломанное и только для того, чтобы починить.

Дочь Крога, Эмена, оказалась приятной смешливой девушкой, невысокой и широкобёдрой. Когда я знакомился с ней, она сказала, что я могу считать их своей семьёй.

«Семья, – подумал я. – Что сейчас с моей семьёй? Наверное, переживают… Или, быть может, с ними всё нормально, и они считают своей дочерью некрасивую кривозубую девушку. Если она оказалась способна переместить меня сюда, то внушить это моим родителям будет несложно. Хотя… зачем ей это? Мы не богачи и не политики…

Семья, – повторил я, смакуя. – Могу ли я считать семьёй контрабандистов, убийц, пусть и спасших меня, но, фактически, взявших после спасения в рабство?

Наверное, нет. А значит, надо быстрее отрабатывать свой долг, чтобы у меня появился хоть один шанс на благополучное будущее».

Решив так, я поднялся с земли и, отряхнув штаны, забрался в бункер. Завтра же попрошу, чтобы меня начали обучать стрельбе. Пусть я по уши в долгах, пусть мне не очень-то нравится моя новая «команда», но я смогу стать хозяином самому себе и выбраться из всего этого болота. Моя жизнь только в моих руках и только я могу на неё влиять.

Глава шестая

– Ну, на кой хрен ты задерживаешь дыхание? – бубнил Авер. – На выдохе стреляй, на выдохе…

– Я стараюсь, – пытался я возражать, но каждый раз всё повторялось – я вновь задерживал дыхание перед выстрелом и начинал дышать во время спуска крючка.

– Десять целей из восемнадцати патронов, – констатировал Авер, когда я, наконец, закончил. – Я без прицела лучше выбью, чем ты с прицелом. Капитан сказала, что сегодня ты должен выбивать десять из двенадцати, а значит, стоимость лишних патронов будет вычтена из твоего жалования. За всю неделю это… это… шестьдесят кредитов. Да сколько ещё сегодня настреляешь. Мыть тебе полы, парниша.

– Угу…

– Ладно, – мой учитель посмотрел на заходящее солнце. – Сегодня уже лучше не настреляешь. Пойдём, будешь помогать с погрузкой, так от тебя толку будет больше.

Сконфуженный, я забросил за спину свою снайперскую винтовку и поплёлся за Авером.

Уже три недели я учился на стрелка. Сначала в качестве оружия мне выдали какую-то жуткую пневматическую рухлядь, из которой и воробья-то выстрелов с семи не факт что убьёшь. Тем не менее, уже через неделю я выбивал девяносто четыре из ста, и воодушевлённая Капитан выдала мне настоящую снайперскую винтовку с оптическим прицелом. И успех с пневматикой продолжился полным провалом со «снайперкой».

Слишком длинная и слишком тяжёлая махина с такой отдачей, что у меня на плече очень быстро образовался несходящий синяк, оказалась для меня чересчур тяжела в обращении. Большие проблемы доставлял излишне тугой спусковой крючок, который я постоянно очень сильно дёргал, тем самым сбивая себе прицел и дыхание. Я невероятно долго выцеливал, не мог долго находиться в одной позе…

В общем, проблем на меня навалилась целая гора. Авер, мастер на все руки, говорил, что прошлый стрелок жаловался на полуавтомат – винтовка была снабжена магазином на шесть патронов – утверждая, будто во время захода второго и последующих патронов в канал ствола сбивается точность стрельбы. Но у меня проблемы со стрельбой начались куда быстрее.

– Ты уже дня три должен был учиться стрелять из пулемёта, – ворчал Авер, пока мы шли от стрельбища – раскладного железного стула, используемого мной в качестве упора, и ещё десятка поодаль, на которых стояли консервные банки – к дирижаблю. – Как мы посадим тебя за пулемёт во время боя? Как мы доверим тебе свои жизни?

Я уныло кивал, плетясь сзади. Сказать в свою защиту мне было совершенно нечего.

– Чего соглашаешься? – раздражённо сказал мой тренер, останавливаясь. – Ты должен быть настроен на учёбу, должен говорить: «Нет, я справлюсь, я научусь стрелять», а ты бессильно разводишь руки, будто говоря «Ну вот, такой я неумеха, что теперь поделать?» Ты заранее настраиваешься на поражение, а должен идти к победе. Или ты хочешь ближайшие три года драить полы?

– Нет, – буркнул я, прочистив горло.

– Значит, пойдёшь сегодня стрелять после погрузки.

– Но…

– Никаких «но»! Трясущиеся от усталости руки смоделируют волнение во время боя. А бои иногда проходят и ночью, так что считай, что это последняя тренировка, максимально приближенная к боевым условиям.

– Угу…

Неожиданно Авер улыбнулся.

– Ты хороший парень, Алексей, – сказал он мягче. – Хоть я и не слишком-то верю во все эти сказки о другом мире, недоверия ты у меня не вызываешь. Тем более, Орайя сказала, будто это возможно. Вообще-то, в команде и Продавцов грёз считали за дурную сказку… Но сейчас дело не в этом. Ты просто должен постараться, идёт?

– Да, – твёрдо сказал я.

– Вот и молодец. Но стоимость патронов я всё равно вычту из твоей зарплаты.

* * *

Погрузка завершилась уже к полуночи. Благо Крог сумел реанимировать прожекторы бункера, иначе мы бы не смогли закончить работу – близилось новолуние, и ущербный диск луны, обычно дававший достаточно света, едва позволял разглядеть пальцы вытянутой руки. В бункере остались только вещи, которые можно было унести с собой при посадке на дирижабль – посуда, одежда, одеяла с матрацами, да личное оружие, в том числе и моя винтовка.

Отремонтированный цеппелин выглядел, как огромный зверь, немного неуклюжий, но устрашающий и неостановимый, хотя ещё пару недель назад его изорванные пулями бока придавали ему вид раненого мастодонта. Теперь, залатанный и выкрашенный, с новой пулемётной будкой, торчащей под его брюхом, дирижабль казался настоящей крепостью. Настоящий «Непобедимый». У меня даже в голове не укладывалось, как эта махина может летать. Впрочем, я всегда был довольно далёк от машиностроения.

– Готово, – буркнул Крог, спрыгивая с верёвочной лестницы – он с близнецами укладывал на дирижабле подъёмное оборудование.

– Выпить бы, Капитан! – крикнул остановившийся посередине лестницы Корос.

– Выпьем! – хмыкнула та (шеф всё время руководила погрузкой, пока Орайя и Эмена готовили поздний ужин). – Ещё как выпьем. Отлёт завтра в полдень!

– О-о, хорошо!

Дождавшись Короса и Дерека, мы вернулись в бункер, где нас уже ждал накрытый стол. Сегодняшний ужин можно было назвать настоящим пиршеством – каша, консервы, сушёные овощи и фрукты, солёная рыба и хлеб. Настоящий свежий хлеб (муку и дорогущие сухие дрожжи привезли из города ещё три недели назад), а не сухари, которые, вместе с витаминно-овощным супом, уже не лезли в глотку. Всё это великолепие венчали бутылки вина и бренди, плотно уставленные на столе. Судя по всему, пьянка в честь завершения работ ожидалась серьёзная. Тем неприятней было идти тренироваться в стрельбе. Но, коль пообещал…

Когда все расселись за столом, Капитан подняла бокал с вином:

– Выпьем за удачное завершение работ, новый пулемёт и нового члена команды!

За этим высказыванием последовало громогласное «Ура» и тычки, обрушившиеся на меня со всех сторон. Когда мужчины перестали трепать мою лохматую голову и набивать мне новые синяки, Эмена, зардевшись, чмокнула меня в щеку. От неё приятно пахло вином, а губы были мягкие и тёплые, так что этот целомудренный, в общем-то, жест вызвал у меня настоящую бурю эмоций. К веселью не присоединилась только Орайя, мрачно глядящая в одну точку. К выпивке она не притронулась и даже не собиралась – рядом с её тарелкой стоял бокал с водой.

– Его надо оставить в ближайшем городе, – сказала зеленоглазая, когда все поутихли и занялись содержимым своих тарелок. – Или допросить, как следует, и выбросить с дирижабля, как только поднимемся на достаточную высоту. Продавцы грёз никогда не приносили добра. Он проклят, от него можно ждать только худа. Он угробит всю команду, и, поверьте, я знаю, о чём говорю – я знаю

этих ублюдков не понаслышке.

Я аж подавился. Вот оно как. Зеленоглазая меня не просто избегает, она меня ненавидит. Возможность освободиться от долга, казалось бы, должна была настраивать на позитивный лад… но вот возможность свободного полёта с дирижабля, да ещё и без парашюта… Кажется, я понял, о чём спорила Капитан с Орайей по прибытию. Зачем тогда было меня лечить?

Но, кажется, так считала только Орайя.

– Он останется, – резко сказала Капитан, пригубив вина и вытерев рот салфеткой. – Кажется, мы это с тобой уже обсуждали. И как ты вообще посмела заявлять об этом при нём и всей команде?

– Просто так будет лучше. Я хотела, чтобы это знали все.

– Как будет лучше для команды решать мне! – рявкнула шеф. – И мой приказ обжалованию не подлежит, надеюсь, ты это не забыла?

– Нет. Но…

– Никаких «но»! Поешь и вон из-за стола, не порти настроение другим.

Орайя кивнула и, отставив полную тарелку, вышла.

– Дура, – раздражённо прокомментировала Эмена.

– Не обращай внимания, – сказал мне Авер. – Она у нас странная.

Я кивнул и уткнулся в тарелку. Кусок не лез горло, но я продолжал заталкивать в рот еду, стараясь заглушить мрачное настроение. Да и от такой вкуснятины как свежий хлеб отказываться просто грешно.

– Чего не пьёшь? – по-прежнему резким голосом спросила шеф, пристально глядя на меня.

– Мне сегодня ещё тренироваться, – ответил я.

– Никаких тренировок, сегодня праздник. Завтра по птицам постреляешь. Авер, приказываю отменить тренировку.

– Тренировка отменена!

Я облегчённо улыбнулся и, кивнув, одним глотком выпил содержимое своего стакана. Выпивка немного улучшила моё настроение. Да и давненько мне не удавалось глотнуть чего-нибудь спиртного.

После третьего стакана мне стало плевать на всё.

* * *

Выворачивая из-за угла бункера, где из нескольких железных листов было сооружено отхожее место, я нос к носу столкнулся с Крогом. Механика шатало, пожалуй, ещё больше, чем меня, и я посторонился, чтобы пропустить его.

– Погоди, – неожиданно трезвым голосом произнёс Крог, останавливаясь. – Надо поговорить.

– Хорошо.

Механик очень долго и очень громко мочился на лист железа, так что я уже собирался потихоньку смотаться, но он, наконец, закончил. Подойдя ко мне, Крог тяжело вздохнул, потом ещё раз, а после, видимо не зная, с чего начать, выудил из кармана смятую пачку сигарет и протянул мне, правда, запечатанной стороной – всё-таки он был пьян.

– Будешь?

– Спасибо, – кивнул я. Сигареты здесь были удовольствием дорогим – пачка стоила пятнадцать кредитов, как десять патронов, поэтому для курящих Капитан установила норму – пять сигарет в день. Хочешь больше – покупай. Свой паёк я уже скурил, медитируя над винтовкой, так что угощение было кстати.

Мы закурили, правда, едва не рассыпав всю пачку.

– Не слушай Орайю, – произнёс, наконец, Крог. – Она вообще не любит чужих. Побесится ещё пару недель и успокоится. Тем более, другого выхода у неё нет – Капитану ты нравишься, Аверу тоже. Да даже близнецы не против твоего присутствия в команде, хотя обычно они новичков быстро не принимают. Так что не волнуйся, мы тебя не выгоним и не бросим. А долг… – механик кашлянул, замявшись. – Долг и есть долг, так? – закончил он свою мысль, хотя мне показалось, что он хотел сказать что-то другое. – Тебе даже лучше находиться сейчас с нами. Кое-чему научишься, пооботрёшься. Вообще, тебе служба у Капитана впрок пойдёт. Да ты и сам это понимаешь?

– Угу, – кивнул я, выпуская дым носом. От чересчур крепкой сигареты я опьянел ещё больше.

– Вот и молодец. Ты же, как ребёнок. Наверное, ещё и не убивал ни разу?

– Нет.

– Да, наверное, поэтому ты так и нравишься шефу. Видишь ли, она любит детей, хотя своих у неё нет. Мы с ней как-то собирались… но, в общем, не вышло. – Крог тяжело вздохнул и, чиркнув о стену фосфорной спичкой, закурил вторую сигарету. – Мы с Иваллой… то есть Капитаном… уже десять лет друг друга знаем – оба служили во флоте. Я к тому времени лет пять был механиком на дирижаблях, а она пришла в нашу часть сразу после лётной школы. Молодая, красивая, амбициозная, резкая как понос с битым стеклом вперемешку. Её даже старшие офицеры побаивались. Она быстро дослужилась до лейтенанта, но дальше продвинуться по службе не могла, несмотря на все старания и подвиги во время войны – Анара, наш остров, тогда воевал с соседями…

В общем, она не понимала, что же не так, пока один из генералов в открытую не намекнул, что для повышения ей надо… ну, сам понимаешь. Она дала ему в морду, а нападение на вышестоящего офицера – дело расстрельное, особенно в военное время. В общем, вырубив того засранца, она прибежала ко мне, мы уже тогда дружили, несмотря даже на то, что я был лишь механиком. А у меня в то время дела тоже плохо шли – жена умерла, из-за похорон в долги влез, дочь за неуплату из школы выгнали… Решение само пришло. Короче, генерала мы связали и спрятали, чтобы шума раньше времени не поднял, сбежали в город,

забрали Эмену и угнали вот этого красавца. Эх, – механик рассмеялся, – весёлое было дело. За нами сначала гнались наши, потом враги, но мы, хоть и подбитые, всё равно сбежали, рухнули на побережье… Семь лет уже прошло, как видишь, нас уже не трое. А всё это я тебе рассказываю для того, чтобы ты знал: шеф – отличный человек, хороший командир. И ещё – она никогда никого не бросает. – Крог снова замолчал. – Что-то я разболтался, – хмыкнул он. – Не уснул?

– Нет, – пробормотал я. – Мне очень интересно. Я бы ещё послушал.

– Ну, тогда пойдём выпьем, может, ещё чего услышишь.

Мы вернулись в столовую. Веселье шло полным ходом: близнецы устроили между собой соревнования по армрестлингу. Капитан судила их, впервые при мне скинув китель, под которым, оказывается, скрывалась просто великолепная грудь. Авер и раскрасневшаяся от вина Эмена весело кричали, подбадривая то того, то другого. Выпив ещё немного, я понял, что мне не хочется слушать ни истории, ни вопли остальных, только спать, и собрался уже уходить, но Капитан заорала на меня, требуя, чтобы я посоревновался с ней в количестве выпитого. Ухватив меня за локоть, она вернула меня за стол. Я, ощущая прикосновение её мягкой груди к локтю, почувствовал в себе новые силы, согласился…

В общем, я, хоть и победив, вырубился прямо за столом.

* * *

– Ты здесь чужой, – сказала мне чумазая девочка. – Зачем ты сюда пришёл? Что тебе нужно? Проваливай!

Я остановился в дверях. Хоть я и знал, что дом обитаем, но не ожидал встретить хозяев так быстро.

С ног до головы перемазанная гарью девочка стояла в передней, заваленной мусором. Её изодранное платье свободно висело на истощённом теле, на ногах была надета слишком большая обувь, всклоченные волосы неаккуратно заплетены в косу. Чёрные от грязи пальцы с обломанными ногтями она сжимала в кулаки так, будто собиралась наброситься на меня.

– Я хочу помочь, – ответил я, оглядывая бардак, царящий в доме. Часть обгорелого потолка обвалилась, везде валялось битое стекло и обломки мебели.

– А с чего ты решил, что мне нужна помощь? – мрачно поинтересовалась девочка, разжимая кулаки и подбирая с пола куклу с чёрным от копоти платьем и выбитыми глазами.

– Но ведь этот домик можно отстроить.

– Можно отстроить? А разве у нас хватит сил? Проваливай, чужак.

– Я помогу, – твёрдо сказал я. – У меня хватит сил. Я же уже взрослый.

– Взрослый? – переспросила девочка.

– Да, – неуверенно кивнул я.

– Будь ты взрослым, ты бы был мёртв. Посмотри на себя, чужак.

Я вздрогнул. Девочке на вид лет шесть или семь, но мои глаза находились на одном уровне с её глазами. Переведя взгляд на свои руки, я увидел мягкие детские ладошки, уже перепачканные гарью – я держался за косяк дверного проёма, когда заходил. Разбитые в кровь колени едва прикрывали шортики в клетку, такие были у меня в детстве… В детстве? Я же ребёнок… Я вспомнил девушку с кривыми зубами. Значит, дело было не в том, что я стоял перед ней на коленях, просто она была гораздо выше меня.

– Вот видишь, ты ничего не можешь.

– Но…

– Ты так же бесполезен, как и я, как и все мы. Уходи.

Девочка, видимо, потеряв ко мне всякий интерес, ушла в противоположный конец комнаты и, забравшись на обгорелую потолочную балку, принялась играть с куклой, но игра была слишком грубой – девочка дёргала её за руки и ноги, рвала платьице, что-то шепча себе под нос. Я почти не мог расслышать, что она

бормотала, но кое-какие слова всё же расслышал.

– Нет, не убивайте меня, умоляю… – шептала девочка. – Нет… молю, только не убивайте… делайте со мной, что хотите, только не убивайте…

Игра закончилась, когда она оторвала кукле голову, слишком сильно дёрнув её за волосы. Несколько раз попробовав присоединить голову на место, девочка отшвырнула обломки куклы и принялась бродить по дому в поисках очередной игрушки.

Тяжело сглотнув слюну, я вышел из дома.

Наверное, пытаться починить домик действительно нет никакого смысла, мне нет здесь места. Я – лишь маленький ребёнок…

Но всё равно поднял камень и потащил его в дом. Я оказался в этом месте не просто так. Я нужен здесь. И если могу хоть как-то помочь… я обязан это сделать, пусть даже это кому-то не нравится.

Пока нужно прибить отвалившуюся нижнюю дверную петлю, а потом как-то постараться навесить на неё разбитую дверь.

Глава седьмая

– Ну как, устроился? – спросил Крог, засовывая голову в узкую будку, где сидел я. От этого его движения количество свободного места сократилось раза в три, не меньше.

– Тесновато, – пробурчал я.

– Ну, тебе здесь не танцевать и баб не водить. Ну-ка, поверни будку.

Я хотел спросить, как это сделать, но вовремя прикусил язык. В моём распоряжении было не так много вещей – гашетка, сиденье, напоминающее

велосипедное, и привод под ним. Я нажал на педаль, она пошла, но туговато, пришлось надавить сильнее. Яростно засопев, я заработал обеими ногами, давя на педали изо всех сил. Медленно, слишком медленно, и со скрипом пулемётная будка начала вращаться вокруг своей оси. Облако, виднеющееся в смотровом окне, начало поворачиваться… поворачиваться… поворачиваться… Твою мать! Как медленно оно это делало! Я уже выдохся, а будка едва повернулась на девяносто градусов.

– Хватит! – сказал сверху механик.

Я облегчённо вздохнул и буквально повалился на пулемётный станок, тем самым задрав прицел в небесную высь (вверх и вниз турель передвигалась свободно). Головная боль и тошнота после вчерашней попойки не слишком хорошо отражались на моём и без того не самом хорошем физическом состоянии.

– Хорошо идёт, – продолжал Крог. – Мы новый механизм ставить как раз хотели, а видишь, как оно получилось с боем-то… Ну-ка давай назад поверни.

– Как?

– Да педали-то покрути. Вот тут только сначала сдвинь.

Я двинул рычажок, переключая «передачу» и вновь принялся яростно крутить педали. Это оказалось ещё сложней, так что мне пришлось хорошенько попотеть, прежде чем вернуть будку в прежнее положение, а непривычные к такой работе мышцы ног уже начинали ныть.

– Всё, вылезай, – довольным голосом сказал механик.

Я тяжело вздохнул, слез с сидушки (ну как слез, просто встал на ноги, чуть при этом не шмякнувшись макушкой о край люка) и, высунув голову и руки из люка, на локтях выбрался из будки.

– Потренируешься на днях, чтобы быстрее поворачивать, – сказал Крог. – Пошли, покажу, где твой гамак.

Я двинулся за механиком.

Когда я поднялся на дирижабль, меня постигло некоторое разочарование. Вместо бескрайних просторов неба меня ожидали узкий коридор, обшитый фанерой, и крохотные комнатушки по бокам.

На землю с высоты птичьего полёта можно полюбоваться только из малюсеньких иллюминаторов. Да и были они далеко не в каждой каюте и предназначались скорее для того, чтобы у команды имелся круговой обзор. В рубке смотровое окно имело довольно большие размеры, но попасть туда не представлялось возможным: помятая Капитан и не менее помятый Авер заперлись там с двумя бутылками бренди. Так что полёт на дирижабле ничем не отличался от полёта на самолёте, правда, в самолёте можно было беспрестанно пялиться в иллюминатор, а здесь я вряд ли полюбуюсь красотами как-то по-иному, чем через прицел пулемёта.

Большую часть помещений дирижабля занимали склады. Здесь был специальный сухой отсек для писем, отдельные склады для перевозки портящихся и не портящихся грузов, ну и так далее. Машина занимала целый ангар, и ещё в одном хранился уголь для неё. Ну и, конечно, склады под пищу, воду, оружие, солярку… В общем, людям места практически не оставалось. К счастью, часто некоторые из складов пустовали, там-то и располагалась мужская часть команды, кроме Крога, всегда ночевавшего в гамаке на капитанском мостике. Орайя и Эмена занимали одну каюту, Капитан, конечно же, каюту имела отдельную. Как я понял, когда-то здесь было куда больше пассажирских помещений, но их-то и переоборудовали в дополнительные склады.

На «Непобедимом» имелась внутренняя связь, причём, довольно современная – дирижабль опутывала разветвлённая сеть настоящей телефонной линии. Но, как я понял, сообщения извне получались исключительно по радио и только на местном аналоге «морзянки», и только при совсем уже близких контактах пользовались рупором. Такое расхождение в технологиях казалось мне странным, но, как позже объяснил Крог, всё дело было в деньгах. Более «передовые» технологии стоили куда дороже «обычных», так что даже на одном дирижабле можно было встретить как аналоги земных технологий начала двадцатого века, так и середины девятнадцатого.

Так, например, в цеппелине присутствовал дизельный генератор, и была проведена система электрического освещения. Вечерами, которые начинали наступать всё раньше, мы могли зажигать свет по всему дирижаблю. Пока

достаточно солярки, конечно. Которая, опять-таки, стоила приличных денег. Поэтому без острой нужды в ярком свете все пользовались керосиновыми лампами.

Разница технологий наиболее заметно отражалась в проблемах с огнестрельным оружием – мне досталась вполне приличная полуавтоматическая снайперская винтовка, у Капитана был пистолет с шестизарядным магазином. А вот остальные довольствовались гладкоствольными однозарядными ружьями, да у Авера имелся неисправный пятизарядный револьвер, который он уже довольно долго и безуспешно пытался отремонтировать, но деталей, производящихся только у островных военных, найти не мог. И даже эти ружья стоили бешеных денег. Во сколько Капитану обошлась моя винтовка, я даже не мог предположить. Это наталкивало меня на мысли о том, что на должность снайпера, пока занятую мной, возлагались большие надежды. Как по мне, так слишком большие. Пулемёты, конечно же, стоили ещё больше, но они обеспечивали безопасность всего дирижабля. Зато холодного оружия здесь хранилось много и на любой вкус: кортики, шашки, шпаги, рапиры, штыки…

Мне удалось полюбоваться здешним вооружением с лихвой – Эмена уже повесила мой гамак в оружейном складе. Здесь же валялось моё одеяло. Других вещей у меня пока не было – я всё ещё таскал запасные штаны Крога, подпоясанные верёвочкой, а сапоги и рубаху с курткой мне выделил Авер. Короче, я по-прежнему напоминал огородное пугало. Так что, расположившись (просто свернув одеяло), я отправился погулять по дирижаблю. Минут через пятнадцать, не найдя ничего интересного, я отправился спать.

И так продолжалось всю следующую неделю. Я бесцельно слонялся по цеппелину, спал, изредка мыл полы, да тренировался быстрее поворачивать пулемётную башню. Крутил педали я до изнеможения, а после ещё с полчаса ходил, по инерции высоко задирая ноги. Но это занятие быстро принесло плоды – уже на шестой день я поворачивал башню на девяносто градусов за десять секунд. От лишнего веса я и так особо не страдал, а после вынужденной недельной диеты, двухнедельного питания одними бульонами и этих тренировок совсем отощал, хотя в последнее время жрал, как конь. Зато на меня перестали посматривать как на увальня.

Уже семь недель прошло с тех пор, как я попал в этот мир. Семь! И шесть из них я почти не думал о доме и родителях – на это не оставалось времени. Сейчас же… Да, я затосковал. Вспоминал даже свою последнюю девушку, которую и

завёл-то только для того, чтобы развеять ту тоску, что пожирала меня дома. А она, кажется, меня любила. Впрочем, мысли о ней обуславливались ещё и довольно длительным воздержанием.

Долго думал о родителях, переживал, как там они, как младший брат, отношения с которым у меня были довольно сложными, но в последнее время понемногу начинали налаживаться.

Двадцать один год я прожил на Земле и ещё семь недель здесь, на Нейи. Казалось бы, ясно, куда я должен был стремиться. Должен, да не обязан. Несмотря на тоску, я привыкал к своей новой жизни и делал это очень быстро. Мне нравилось наблюдать из смотрового окошка за тем, как подо мной медленно проплывают леса, разрушенные города, заполненные разбитой боевой техникой равнины и просто пустыри с мёртвой выжженной шесть десятков лет назад землёй. Мне начало нравиться перед сном раскачивать гамак. К не отличающейся особым вкусом и разнообразием еде я привык, не говоря уже о том, что у меня появилась чёткая цель – выплатить долг и сматывать удочки.

Хотя, вероятно, дело именно в этом. Что я имел раньше? Почти всё! Что я имел сейчас? Долг, размеры которого с трудом себе представлял, да чужие шмотки, одолженные до того момента, когда я смогу купить новые. Прекрасная однокомнатная квартира, которую я снимал, превратилась в гамак, подвешенный рядом с оружейной стойкой на складе. Благодаря подработке, которую мне подкинули друзья отца, я мог почти еженедельно ходить по кабакам и не нуждался в деньгах. Сейчас у меня в кармане три сигареты, а на ужин будет еда немногим лучшей той, которую у нас подают в муниципальных больницах.

Что меня ждало впереди? Кто его знает. Вероятней всего, быстрая смерть. Но я впервые почувствовал настоящий вкус жизни. Радость от того, что вообще-то всё ещё жив.

Я долго об этом думал (а времени подумать у меня была прорва) и понял – мне это даже нравится. Да я даже уже начал размышлять о том, чтобы остаться с командой и после выплаты долга. Если она вообще произойдёт. Жизнь на дирижабле была такой же размеренной и безопасной, как и на Земле, но чувство опасности придавало даже этой скуке пряный оттенок. О том, что мне, скорее всего, придётся платить за свою жизнь чужими, я старался не думать. Что будет, то будет.

И… я не был до конца уверен, но… Кажется, мне начала нравиться Орайя. Не уверен, потому что практически её не видел. Наяву, по крайней мере. Во время наших столкновений в коридоре она обычно отворачивалась и спешила уйти, в кухне вообще появлялась только для того, чтобы забрать свою порцию в каюту.

Но во сне Орайя приходила ко мне часто. Иногда я валялся на жёсткой кровати, не в силах пошевелиться, а она с грустным видом сидела рядом, на раскладном стуле. Это продолжалось довольно долго, меня начинала мучить жестокая головная боль. В конце концов, зеленоглазая вставала, подходила ко мне и клала прохладную ладонь мой лоб, и боль постепенно унималась. Орайя улыбалась мне и медленно таяла в воздухе.

Иногда мне снилось стрельбище. Я стрелял по неясным фигурам, зная, что одна из них – Орайя. Я судорожно выискивал её среди этих фигур, пытался найти хоть в одной знакомые черты, но не мог. Я пытался остановиться, но тело меня не слушалось, и я продолжал стрелять. Прицел захватывал очередную цель, палец нажимал на спусковой крючок, фигура падала, а мои глаза уже искали новую цель.

Но чаще всего мы просто сидели рядом, спина к спине, и смотрели на чёрное, лишённое звёзд и луны, небо. Лишь красные пятна время от времени появлялись на горизонте, но и они таяли, стоило мне сосредоточить на них взгляд. Я ни разу не поворачивался к той, чьё тепло чувствовал, и всё равно точно знал – это Орайя.

Я не мог никому рассказать про эти сны и не понимал, почему они мне снятся. Возможно, из-за тех сеансов гипноза, которые девушка мне устраивала. Зато прекрасно понимал, что холодный взгляд её зелёных глаз не сулит мне ничего хорошего, но…

Впрочем, ведь я ни в чём не уверен?

В любом случае, Орайя крепко засела в моей голове, и как избавиться от её присутствия я не знал.

С другими членами команды отношения у меня складывались более ровные. Авер постоянно надо мной подтрунивал по поводу долгов. Крог по-отцовски учил

чистить оружие и другой полезной фигне, но только когда у него появлялось время. Близнецов кроме своих склок мало что интересовало. Эмена почти всё время проводила на кухне, а Капитану, кажется, на всё, кроме моего долга, было плевать. Так что почти всё время я был наедине с собой. В кости я не играл, хоть и был не прочь, но игра велась на деньги, которых у меня и так не было, историй про битвы не знал… Короче, в компанию я пока не слишком-то вливался. Впрочем, это в какой-то мере неплохо – люди, запертые в четырёх стенах на длительное время, могли надоесть друг другу хуже врагов. А так у всех оставалось какое-никакое жизненное пространство.

В общем, жизнь была сплошным болотом. Но я не жаловался.

* * *

Я устало вытер лоб и снова ухватился обеими руками за спинку дивана. Кажется, всё это бесполезно.

На полянке у домика выросла целая гора хлама, но в доме мусора, кажется, стало только больше. К тому же, мне не хватало сил, чтобы перетаскать на улицу наиболее крупные куски потолка и мебель. Поэтому я собирал обвалившуюся штукатурку, пустые консервные балки, драную одежду и сломанные игрушки, сваливая их в одну кучу на полянке у домика. Более или менее пригодные для использования вещи я складывал в другую, но она росла куда медленней, чем первая. Да и я слабо представлял, где мне может пригодиться, например, пустая золочёная рамка для картины. Помимо рамки в этой кучке лежало три выщербленных тарелки, два бокала и несколько столовых приборов. Венчали горку прохудившаяся пуховая подушка и дырявое одеяло.

Наконец, мне удалось вытащить на улицу свой груз. Я подтащил спинку к кучке с «нужным» мусором и бросил рядом, чтобы ненароком не разбить тарелки. Вот, будет мне кроватью.

Услышав за спиной шорох, я повернулся. В нескольких шагах от меня стояла моя прошлая знакомая. Рядом с ней я увидел маленького мальчугана, лет, наверное, двух с половиной, он цеплялся перепачканными руками девочке за подол.

– Что ты делаешь? – холодно спросила девочка.

– Хочу навести порядок.

– Это бесполезно. К тому же, ты испортил полянку, другим это не понравится.

– А есть и другие? – с надеждой спросил я, садясь на спинку дивана. Быть может, с ними мне удастся найти общий язык…

Но моя собеседница, занятая исключительно рассматриванием двух гор мусора, проигнорировала мой вопрос.

– Ты испортил полянку, – повторила она, наконец.

– Эта развалюха портит поляну куда больше, – буркнул я, кивая в сторону дома. Кажется, ответов ждать не имеет смысла.

– Эта развалюха – мой дом, – резко сказала девочка. – И эта полянка – мой дом. А ты их портишь. Убирайся.

– Нет, – жестко ответил я.

– Как хочешь. Тебя прогонят другие. – Девочка повернулась ко мне спиной и дёрнула за рубашку малыша, который увлечённо сосал большой палец. – Уходим.

Но мальчишка не послушался. Он вынул изо рта чёрный от грязи палец и шагнул ко мне:

– Привет.

– Не подходи к нему, он сумасшедший, – резко произнесла девочка и снова дёрнула малыша за рубаху.

– А я-то думал, он хороший, – разочарованно протянул мальчуган и двинулся за сестрой.

– Я хороший! – поспешно сказал я им в спину.

Девочка остановилась и, повернувшись ко мне, заговорила:

– Этот дом – развалюха, его бесполезно чинить. Те, что были до нас, разрушили наш мир, и только нам восстанавливать его, но это бесполезный труд – слишком велики разрушения. Ты затыкаешь дыры в дне лодки и вычерпываешь из неё воду, но лодка даже не разваливается – она уже на дне самой глубокой океанской впадины.

Мы – лишь маленькие дети, населяющие большую помойку. У нас нет ни знаний, ни сил, чтобы эта помойка превратилась в цветущий сад. У тебя тоже. Но мы и не пытаемся сделать что-то, просто готовимся дожить в этой развалюхе свой век, пока она окончательно не разрушилась. А ты – пытаешься, рискуя обрушить её потолок на наши головы раньше времени. Значит, ты сумасшедший. А сумасшедшие – плохие, с ними играть нельзя, иначе тоже можно стать сумасшедшим. – Она наклонилась к мальчику. – Слышишь, братик? Ты понял, кто он?

– Он сумасшедший.

– Вот и молодец. Пошли.

Девочка отвернулась и, дёрнув мальчишку за рубашку, зашагала к саду. Мальчик один раз обернулся, но в его глазах теперь читался лишь испуг.

– Я не сумасшедший, – горько произнёс я. Слёзы душили меня, подступая комком к горлу. – Поиграйте со мной!

Но меня уже никто не слышал.

Глава восьмая

Я проснулся от яростно орущей сигнализации. Пару секунд раздумывал, что бы это могло значить, но, спросонья ничего не придумав, сел и принялся торопливо

натягивать штаны. Если орёт сигналка, одевайся и готовься к худшему – это был первый мой урок после восхождения на борт. И тут же в дверь склада кто-то яростно забарабанил. Окончательно проснувшись, я спрыгнул с гамака и бросился к двери.

– Не заперто! – глуповато крикнул я, подтягивая штаны.

Вообще, кому в голову придёт мысль снабжать дверь склада крючком или шпингалетом? Штык вряд ли захочет уединиться, закрывшись изнутри.

Я зевнул, потирая глаза. Нет, кажется, ещё не проснулся…

Несмотря на мой крик, в дверь продолжали стучать.

– Бегу! – раздражённо рявкнул я, подбирая с пола рубаху. Но в ответ раздался только удаляющийся топот. – Да что за… на хрен… – пробормотал я, моргая слипающимися глазами. Сигнализация всё ещё орала. Кажется, это в первый раз…

Икнув, я быстро натянул ботинки и бросился к двери. Если орёт сигнализация, значит, что-то случилось. Чёрт, ну и тугодум же я спросонья. Мои опасения подтвердились, когда я столкнулся в дверях с голым по пояс Авером.

– Что случилось? – спросил я, холодея внутри.

– Хрен знает! – рявкнул Авер, пробегая в оружейную. На нём были только полотняные штаны. Несмотря на это, мой инструктор по стрельбе схватил со стены шпагу и кортик. Повернувшись ко мне и увидев, что я всё ещё стою здесь, он заорал: – Тревога, мать твою! В рубку, быстрее!

Я схватил свою винтовку и рванул за ним.

Здесь уже собралась вся команда «Непобедимого». Эмена в том числе, хотя у неё единственной не было в руках оружия.

– Что, на хрен, произошло? – с явным волнением в голосе спросил Авер.

– Заткнись, – сухо оборвала его Капитан. Она стояла у лобового стекла рубки и смотрела в подзорную трубу. Это продолжалось довольно долго, но все помалкивали, ожидая распоряжений. Или хотя бы причины, по которой нас среди ночи подняли по тревоге. – Да, – буркнула она, наконец, резким движением складывая трубу. – Вон там.

Я проследил движение её пальца и увидел в сереющем предрассветном небе небольшое чёрное пятно. Кажется, это был дирижабль.

– Они на нас нападут? – спросил я, сглатывая слюну.

– Нет, – жёстко ответила Капитан. – Мы на них нападём. Это Шакр, за ним должок.

По хищным лицам близнецов и мрачному ворчанию Крога я понял, что задолжал неизвестный мне Шакр совсем не деньги. И боя не избежать.

– Всем на боевые посты! – резко скомандовала шеф. – Будет весело.

Я в этом и не сомневался.

* * *

– Твою мать! Не трогай мои кости! – рявкнул Корос, выводя меня из состояния близкого к оцепенению.

– Не трогал я! Кидать не умеешь! – отбрыкивался Дерек.

Я зевнул и, сладко потянувшись, припал к смотровому окошку. Дирижабль Шакра уже виднелся на расстоянии примерно двух километров, я даже различал узор, грубо намалёванный на задней части аэростата. Но до сближения на расстояние, позволяющее вести прицельную стрельбу, было ещё долго.

А кто говорил, что бои в воздухе – это интересно? Сначала надо сблизиться, потом совершить манёвр… Мне об этом пару часов назад рассказывал Крог по внутренней связи. Впрочем, с манёвром он поторопился, до манёвра ещё

далековато. Если бы неизвестный мне Шакр пошёл на сближение, всё уже давным-давно кончилось бы. Но он, судя по всему, дал приказ убегать. И занимался этим уже битых пять часов. К его несчастью наш воздушный корабль оказался более быстроходным, иначе осталось бы только помахать ручкой вслед беглецам.

Но шеф, спросонья погорячившаяся с приказом занимать свои места, отбоя не дала. Так что завтракал я в своей будке. По счастью, выходить в туалет разрешалось (всё-таки не совсем боевая обстановка), чем я и пользовался даже без надобности, иначе давно бы уже превратился в одеревеневшую кочерыжку. Но мне было чертовски скучно. И я пялился в смотровое окно, крутил от скуки педали, переговаривался по внутренней связи с остальной командой (близнецы, кстати, орали друг на друга с включенным передатчиком, наверное, чтобы повеселить остальных).

Я ещё раз зевнул и со скукой принялся наблюдать за медленно увеличивающимся дирижаблем противника.

– Алексей! – голосом Капитана заговорил над ухом второй громкоговоритель, связывающий меня с капитанской рубкой (первый был каналом общей связи, третий позволял поговорить с машинным отделением). Вообще, до мостика всего-то два шага, я услышал бы Капитана, если бы она просто выглянула в коридор, но шеф, видимо, не хотела нарушать свой же приказ. – Не спишь?

– Нет, – буркнул я в рожок микрофона, с трудом подавляя очередной зевок. – Какие-то приказы, шеф?

– Не спать!

– Есть.

– Умничка. Уже скоро.

«Надеюсь», – чуть не сказал я, но прикусил язык. На что я надеялся? Развеять скуку, убивая людей? Да уж…

Легко было рассуждать об отсутствии выбора, когда представляешь себя жертвой. Но сейчас я оказался на месте хищника. Казалось бы, практически ничего не изменилось (выбора-то у меня всё равно нет – хочешь, не хочешь, а в бой вступать придётся), но сделка с совестью внезапно стала куда более неприятной. Я буду убивать не для того, чтобы спасти свою жизнь, а… для чего? Свести какие-то чужие счёты? Ограбить жертву?

– Угу, – промычал я вслух.

– Прицельная дальность стрельбы твоего пулемёта – около километра. Но в любом случае не открывай огонь до моего приказа, усёк?

– Да, Капитан.

– Хорошо отстреляешься – получишь премию.

– Так точно, – уныло сказал я, яростно стискивая рукояти пулемёта. Вот ведь скотство. С другой стороны – а чего я хотел? Может, надо было послушать Орайю и уходить, чтобы сгинуть где-нибудь посреди того огромного могильника боевой техники? Нет. Я хочу жить. Я буду жить. И если… И если всё выходит так, как выходит, то я готов. Наверное…

– Умничка, – повторила шеф. – Кстати. – Она переключилась на общую связь. – Сегодня же первое число! Зарплата, ребятки!

– Ура! – разноголосо загомонил громкоговоритель.

– Если, конечно, будет кому и за что платить, – жёстко закончила Капитан и отключилась.

Я тяжело вздохнул и снова уставился в окошко. Оставалось только верить в лучшее. В то, что ты и твои друзья переживёте этот бой. Но для этого нужно справиться с противником.

Я стиснул зубы и ещё крепче вцепился в рукоятки пулемёта. Сказать, что я волновался – не сказать ничего. Но, как ни странно, страха особого не было. Адреналин, наверное…

А дирижабль Шакра тем временем начал приближаться с устрашающей быстротой. Или противник сбросил ход, или… А почему он резко пошёл вверх? Я хотел уже схватить микрофон, но громкоговоритель общей связи (наверное, чтобы поднять боевой дух) снова заговорил голосом Капитана:

– Бегут ссыкуны! Крог! Подбавь-ка газку!

– Есть, шеф!

Судя по тому, что ход ничуть не ускорился, а дирижабль противника начал возвращаться на прежний уровень, Капитан дала команду подняться. Да ещё как! Уже через несколько минут мне пришлось взяться за пулемётную турель, чтобы взять противника на мушку.

Теперь я мог хорошенько рассмотреть воздухоплавательный аппарат Шакра. Здесь снова дала о себе знать разница технологий – если наш цеппелин был довольно продвинутым в техническом плане, то корабль противника представлял собой скорее деревянный вагон, подвешенный к матерчатому аэростату. Да и заполнял аэростат, скорее всего, разогретый воздух. В общем, наше преимущество было налицо. Не скажу, что я сильно от этого приободрился, но за свою жизнь стал беспокоиться меньше.

– Крог! Полный ход!

– Есть.

А, так мы ещё и не на полной скорости двигались… Наверняка, экономили топливо, понимая – враг и так в наших руках.

Не скажу, будто наш цеппелин рванул с бешеной скоростью, но противник начал приближаться куда быстрее. Я снова занервничал.

– Алексей! – снова Капитан, но уже в «личке», так сказать. – Минутная готовность!

– Есть! – ответил я, стараясь придать голосу бодрость. Вышло не очень хорошо.

Я облизнул пересохшие губы и взял аэростат на мушку, что было нетрудно – он занимал уже почти всю нижнюю половину смотрового окна.

– Тридцать секунд!

Чёрт, как быстро!

– Пятнадцать! – Капитан неожиданно понизила голос: – Стреляй в левый бок аэростата, так, чтобы не зацепить корзину. Стреляй кучно, но после каждой очереди меняй точку обстрела, чтобы наделать как можно больше дыр. И постарайся никого не убить. Понял?

– Так точно…

– Огонь!

Я на миг закрыл глаза и сказал себе: «Я стреляю не в людей, я никого не убью…». Стало немного легче. И тогда я нажал на гашетку.

Первая очередь срезалась. Нет, я попал, но кучность была никакая, меня повело в бок, хотя турель гасила почти всю отдачу. Отпустив гашетку, я перевёл мушку немного дальше (дирижабли уже практически сравнялись, но наш находился немного выше) и дал ещё одну очередь. Теперь получилось лучше. Потом ещё одну. И ещё.

Возникло странное чувство. На миг мне показалось, будто я увидел фигурки людей, передвигающиеся внутри «вагона». Заныла голова, но это никак не повлияло на прицел. Я дал ещё две очереди, стараясь стрелять так, чтобы не попасть ни в одну из фигурок. И мне это удалось.

Тут противник открыл ответный огонь. Застрочил пулемёт, где-то вдали послышался металлический звон пуль о будку. Я задёргался и снова срезал очередь, но исправился на следующей. Меня нервировало, что я не вижу, откуда стреляет противник. Но, наконец, увидел корзину, прицепленную к верёвкам, которыми корпус крепился к аэростату. Сглотнув комок, я перевёл мушку на неё. Наша позиция была куда выгоднее: я мог вести постоянный огонь по противнику, в то время как вражескому пулемётчику, расположенному куда

ниже и задвинутому куда дальше назад из-за конструкции дирижабля, ещё и нельзя было слишком сильно задирать прицел – мешала задняя часть своего же аэростата.

Я спокойно могу убить вражеского пулемётчика и полностью обезопасить наш экипаж. Но приказ Капитана нельзя истолковать по-другому – нанести как можно больший материальный ущерб, не причиняя при этом вреда людям. И что мне делать? Спросить у Кэпа? И времени думать нет, совсем нет…

Что будет, если я убью пулемётчика? Наверное, убийственная вражда между нашими «группировками»… А что будет, если пуля, выпущенная противником, попадёт в меня или кого-то из нашей команды?

Впервые от моего решения зависела чья-то жизнь, много жизней. Правильный или неправильный поступок определят не только то, сколько человек погибнет здесь и сейчас, но и моё будущее, будущее людей, которых я считаю своей командой.

«В бою в первую очередь исполняй приказы, насколько глупыми они бы тебе не казались», – говорил мне Авер, когда я тренировался ещё с пневматической винтовкой. – «Ты слишком зелёный, чтобы думать в бою самому. Что тебе нужно делать, тебе скажет Капитан. Сначала научись исполнять приказы, а потом, если у тебя будет к этому предрасположенность, будешь учиться думать».

Я ещё раз сглотнул, тихо выругался и снова перевёл огонь на уже порядком изодранный и ощутимо деформированный аэростат. Всё-таки слова (даже не слова – приказ) «постарайся никого не убить» нельзя истолковать двояко.

– Алексей! – резко произнесла по общей связи Капитан после седьмой очереди. – Теперь стреляй так же, только в правую часть. Крог! Приспустись!

– Есть!

– Есть!

Приказ спуститься был дан вовремя – дирижабль Шакра резко терял высоту и скорость. Наш цеппелин уже нависал носом над противником, поэтому я начал

вести огонь по центру и носу монгольфьера, на этот раз не испоганив ни одной очереди. Вражеский пулемётчик уже не мог вести ответный огонь, и мне начало казаться, будто я нахожусь в тире с огромной мишенью. Эллипс аэростата начал деформироваться ещё быстрей, мне даже показалось, будто я слышу свист воздуха, вырывающегося из больших рваных дыр в материи.

– Прекратить огонь!

– Есть! – облегчённо ответил я.

Что будет сейчас? Дирижабли состыкуются, и в драку вступят убийцы – Корос, Дерек и Орайя? Я свою роль исполнил – мы получили явное преимущество. Фактически, обрёк людей на гибель, не замарав рук в крови… но от этого не легче.

И тут раздался громкий голос Капитана. Она говорила по громкоговорителям, прикреплённым к носу нашего цеппелина, а не по внутренней связи.

– Шакр! Козёл! Слышишь меня?!

Через несколько секунд в ответ раздалась брань, исковерканная хрипами рупоров:

– Ивалла! Я тебя убью! Видит бог, убью, и рука моя не дрогнет!

– Это за то, что поимел меня с тем грузом чая! – рявкнула шеф в ответ. – И за то, что после этого поимел меня в постели! Ты хилый сморчок, и член у тебя маленький! Все слышали?! У Шарка самый маленький член из всех мужиков, с кем я спала! Самый маленький член из всех воздушных пиратов всего грёбаного северного побережья!

Внутренняя связь буквально разрывалась от многоголосого хохота.

– Ивалла! Ты сраная корова! Я тебя…

Что собирался сделать Шакр, я уже не услышал – его рупор не шёл ни в какое сравнение с нашим громкоговорителем.

– Козёл! – заглушила Шакра Капитан. – Драный козёл! Мудак! Можешь отсосать сам у себя!

– Коза! Подстилка! – и дальше, в том же духе, так же истерично, но менее цензурно.

– Покеда! Попутного ветра! – бросила шеф на прощание и заговорила уже по внутренней связи: – Крог, уходим! Ребята, всё прошло просто отлично. Алексей, ты был на высоте. Считай это своим экзаменом на профпригодность. Ты его прошёл.

– Спасибо, – пробормотал я. Если честно, то я чувствовал себя так, будто меня обманули. Но и на душе стало куда легче.

Глава девятая

Все, кроме Авера, дежурившего на мостике, столпились у каюты Капитана. Близнецы с хохотом вспоминали сегодняшний бой, Крог поддакивал, ухмыляясь в бороду, Эмена больше помалкивала, иногда скромно хихикая в кулачок. И все тыкали меня, трепали по голове, поздравляя с боевым крещением и хваля за хорошую точность.

Все, кроме Орайи, стоящей поодаль с видом, будто ей нет ни до чего дела. Её взгляд бесцельно блуждал по коридору, руки были небрежно скрещены на груди. Она напоминала греческую статую – стройная, отчуждённая и прекрасная.

Не скажу, что мне было неприятно получать похвалы, но отстранённый вид Орайи немного портил всеобщую весёлую обстановку. Похвалу от неё я услышал бы с куда большим удовольствием, чем от других. Но я старался не обращать на зеленоглазую внимание – кажется, у меня было столько же шансов добиться от неё взаимности, будь она на самом деле статуей.

Пока же меня ждала первая зарплата, а шеф пообещала сегодня сразу после выдачи жалования закатить пьянку. Из-за этого Эмена весь день не вылезала из

кухни, откуда доносились весьма приятные запахи, от которых становилось ясно – были распакованы не только стандартные пайки.

Единственный факт, смущающий меня, заключался в том, что я не знал, сколько мне получать. С другой стороны, возможность получить хоть сколько-то (или хотя бы оплатить патроны, которые я спустил во время тренировок со снайперской винтовкой) и скорая выпивка грели душу.

– Орайя!

Зеленоглазая всё с тем же независимым видом протиснулась между остальными и вошла в каюту. Вернулась она уже через несколько секунд и с абсолютно безразличной миной удалилась.

– Корос!

И так далее. Я был последним.

Войдя, я приостановился, с любопытством оглядывая помещение. В каюте Капитана не было ничего лишнего – кровать, крохотный шкафчик и стол, заваленный бумагами. Ни картин, ни украшений, ни трофеев. Даже зеркало отсутствовало. Капитан сейчас сидела за столом и изучала меня из-за своих печных заслонок по недоразумению именуемых очками.

– Подойди, не стесняйся, – неожиданно мягким голосом сказала шеф.

Я послушно подошёл к столу и, повинуясь жесту, уселся на деревянный табурет.

– Ты отработал ровно месяц, – медленно произнесла Капитан, – значит, должен получить пятьсот кредитов. Авер вычел у тебя шестьдесят за патроны. Итого – четыреста сорок. За сегодняшнюю хорошую стрельбу и чёткое исполнение приказов прощаю тебе патроны и накидываю сотню премии. Значит, твой заработок – шестьсот кредитов. Сколько из них ты хочешь получить на руки, а сколько пустить на погашение долга?

Я замялся, хотя размышлял об этом весь день. Чёрт, и сколько? Я же тут ничего не знал. Вообще ничего, кроме цен на патроны и сигареты. Мне надо купить

одежду, может, ещё что-то. В общем, деньги нужны позарез. Но в каком количестве? Я высказал свои соображения Капитану.

– Ну… – шеф наклонилась ко мне, подперев подбородок ладонью. – Точно я не знаю – цены постоянно меняются. На одежду шестисот кредитов не хватит – скоро зима, а зимы на севере суровые. Тебе понадобятся толстая куртка, шапка, рукавицы те же… Думаю, всё это всё обойдётся в семьсот-восемьсот кредитов. В городе мы будет через полторы недели, а когда появимся в другом – неизвестно, так что тебе надо решать всё быстро. Хочешь взять ещё один кредит? Своим, конечно, беспроцентный.

– Беру кредит, – буквально простонал я. – Сколько я буду должен?

– Пять тысяч четыреста кредитов, – с лучезарной улыбкой на губах ответила Капитан, выкладывая на стол одну мятую купюру и пять монет, в сумме сотню кредитов. – Скоро город, погуляешь, – сказала она в ответ на мой удивлённый взгляд. – Считай это премией за благоразумность.

На миг мне захотелось собрать деньги со стола и засунуть ей в глотку. Но только на миг – Капитан вызывала уважение, и подачка была сделана из лучших побуждений. К тому же, даже эта сотня мне совсем не лишняя. Не знаю, что на неё куплю… Может, оставлю в счёт следующих «платежей по кредиту».

– Спасибо.

– Свободен. Через полчаса ужин.

Я собрал деньги и на прямых ногах вышел из каюты. Нет, конечно же, я предполагал, что из долгов выбраться будет не так просто. Но… не так же сложно!

«Хоть напьюсь сегодня на халяву», – со злобным удовлетворением подумал я, заходя к себе на склад, чтобы спрятать «зарплату» в матрац – других вариантов, куда положить деньги у меня просто не было.

Сегодняшний ужин был ещё лучше той пирушки, которую закатили по поводу окончания ремонта: наверное, скорое прибытие в город позволило Эмене

выставить на стол все запасы. Кроме отличного супа с консервами нас ожидали копчёный окорок и пресные лепёшки (дрожжи для закваски, видимо, кончились), яблочный джем, засахаренные фрукты и сушёные овощи. И, конечно, уйма алкоголя.

Ужин проходил весело. На этот раз Орайя сидела с нами, но по большей части молчком. Пила она только воду. Быстро поев, она ушла на дежурство на мостик, сменив там Авера.

– Хорошо, что она с нами, – бубнил с набитым ртом Корос. – Все, кому надо, пьют, но никому не нужно дежурить. Вот, помню, на старом дирижабле надрался как-то наш дежурный… – он на миг замолчал, заливая еду вином. Выдув стакан в один присест, убийца взял бутылку бренди и только тогда продолжил: – Собственно, после этого мы и сменили судно.

Я хмыкнул. Остальные весело болтали о своём, видимо, историю эту знали все, не только близнецы. Скорее всего, именно поэтому никаких подробностей я и не услышал.

Потом все снова начали вспоминать сегодняшний бой. История и воспоминания быстро перетекли в соревнования «кто кого перепьёт», которые, видимо, были любимым развлечением всей команды. В любом случае, они позволяли быстро нахрюкаться, что, видимо, экономило выпивку.

Моим соперником снова стала Капитан. Между нами стояли два стакана, две стопки, бутылка бренди, две бутылки вина и пепельница. От закуски решили отказаться. В стаканы наливалось вино, на три пальца, потом полная стопка бренди. Сначала выпивалось вино, через минуту – крепкое, потом следовал пятиминутный интервал: всё-таки надираться за полчаса никто не собирался.

Одна бутылка вина уже валялась на столе, да и бренди уже осталось меньше половины. В воздухе витал сизый сигаретный дым. Кэп рассказывала историю о том, как они с двумя подругами решили погулять ночью по территории военного училища, нарушая тем самым устав. Естественно, их едва не сцапал комендант. Убегая от него, они забрались в мужское общежитие, где их, конечно же, спрятали, но почти сразу стало понятно, что лучше бы они попались коменданту.

– Их там человек двадцать было в казарме, – говорила Кэп, выстукивая окурок из мундштука. – И мы, три сочные восемнадцатилетние девки. Когда от групповухи мы категорически отказались, они начали думать, какую с нас взять плату. Изнасиловать они нас не могли: сразу бы все вылетели, да ещё и после публичной порки розгами. Ну, один и предлагает: раздевайтесь, мы на вас посмотрим и сделаем свои дела. – Она сделала характерный жест рукой. – Потом валите. Сейчас-то я понимаю, что он просто издевался, но тогда мы перепугались… Бежали из казармы так, будто за нами пара вражеских армий бежала. И, конечно, комендант нас поймал. Мы драили туалеты целый месяц. Выпьем.

Мы взяли стопки и, чокнувшись, выпили. Я сморщился – хорошими вкусовыми качествами этот бренди, (ладно, чего уж греха таить – этот самогон) мягко говоря, не отличался. Кэп ухмыльнулась, глядя на мою реакцию. Я попытался сделать каменное лицо, что, учитывая накатывающее опьянение, оказалось не так просто. Тогда полез за сигаретами, но пачка оказалась пуста. К тому же, я скурил ещё и завтрашнюю пайку.

Вот и пригодится подачка.

– Капитан, мне нужно купить у вас сигареты.

– Не проблема. Я, кстати, тоже пустая, пошли в каюту.

Капитан поднялась из-за стола, её уже порядком шатало. Да и мне, в общем-то, пришлось опереться ладонями на стол, когда вставал. Ладно, идти недалеко, по дороге не уснём и не потеряемся. Правда, свои «накопления» я искал довольно долго. Всё-таки тайник в матрасе – великая вещь. Капитан уже ушла в свою каюту.

Я на всякий случай постучал в полуоткрытую дверь и только потом вошёл. Кэп навела в каюте порядок – то есть разложила бумаги на столе в аккуратные стопочки. Больше ничего убирать не требовалось.

Она стояла у шкафа и неуверенно перебирала ключи. Найдя нужный, попала в замочную скважину только с третьей попытки. Но, в конце концов, дверь оказалась открыта. Зеркало у шефа всё-таки было – на двери шкафа. Но большую часть полок занимали коробки с сигаретами и ящики с алкоголем,

вещей там было немного.

Капитан вытащила пачку сигарет и бутылку бренди, махнула мне рукой, подзывая, и шлёпнулась на кровать.

– Подвинь стул. И пепельницу возьми.

Совершив требуемые действия, я уселся. Кэп сорвала крышку с бутылки и, приложившись к горлышку, сунула бутылку мне в руки.

– Продолжаем.

Продолжаем так продолжаем. Я выпил большой глоток и поставил бутылку к пепельнице. Шеф тем временем скинула свой китель и зашвырнула его куда-то в угол каюты. Если честно, я бы на её месте выбросил этот китель на хрен и вообще никогда не надевал: рубаха буквально разрывалась на её груди. Нет, я предполагал, что у Капитана приличная по размерам грудь, всё-таки что-то там под кителем угадывалось, но результат превзошёл все мои ожидания.

И не стоит забывать – у меня уже давно никого не было, поэтому вид даже целомудренно прикрытой рубашкой груди вызвал у меня шквал эмоций.

Кэп мой взгляд заметила и усмехнулась. Стянув сапоги и забравшись на кровать с ногами, она неторопливо открыла пачку, сунула сигарету в мундштук и закурила.

– Угощайся, – сказала она, – за мой счёт. Считай, что пришёл ко мне в гости.

Я закурил и ещё раз приложился к бутылке.

– Тебе, наверное, интересно, что у нас за история была с Шакром… Падай на кровать, а то бутылку поставить некуда.

Я кивнул и сел на предложенное место, на почётном расстоянии от Капитана, так чтобы стул с бутылкой и пепельницей оказался между нами.

– Кажется, мне сегодня весь вечер придётся травить тебе байки, – усмехнулась Шеф. – В общем, это было пять лет назад. Нет, уже даже шесть. Мы пересеклись с Шакром в Северном, это большой город на побережье. С юга ещё можно было достать чай, и стоил он бешеных денег. Я умудрилась хапнуть три ящика у залётных работорговцев, и думала, что озолочусь. Но чёртов Крог уверял меня потерпеть, не продавать чай немедленно, а подождать зимы. Будто он вообще мог стать дороже!

В общем, про груз, как я думала, не знал никто. И тут прицепился ко мне этот Шакр. Высокий, здоровенный, загорелый южанин. Ходил, мать его, дарил мне цветы, набивался в замы, обещал присоединить к нам всю свою команду – четыре человека. У него тогда не было дирижабля, вот он и… – Кэп глубоко затянулась. – В общем, это продолжалось два месяца. Я ему не доверяла… вернее, полностью ему не доверяла. Ходили о нём всякие слухи. В основном как о сердцееде, но я-то уже давно была не девочка, до тридцати всего ничего… Думала, меня не обмануть.

В общем, мы как-то напились в одном очень дорогом месте, и он потащил меня в гостиницу. Не помню, как вообще начался этот разговор, но я заявила ему, будто он тот ещё кобель, и нас никто не должен увидеть. – Шеф выругалась и хлебнула прямо из горла. – Короче, я приволокла его на наш дирижабль и отправила дежурившего там Авера на выходной. Выгнала его, хотя он пытался меня переубедить…

На следующий день я проснулась в своей постели и почувствовала запах сухого чая. Да, этот говнюк упёр всё. Не знаю, в штанах или в рубахе, или где-то нашёл мешок. Но самое хреновое было то, что о той ночи услышал каждый грёбаный контрабандист Северного. Шакр купил на вырученные деньги дирижабль, тот самый, который ты сегодня сбил. Но… этот случай…

Лицо Капитана исказилось, как я сначала подумал, из ненависти, но, когда она всхлипнула, меня будто молнией поразило. Наша непробиваемая шеф едва не плакала в моём присутствии из-за старых обид.

Я потянул руку и осторожно погладил её по плечу.

– Всё нормально, босс, мы ему отомстили.

– Да, мы ему отомстили. Просто я не хотела, чтобы ты подумал, будто… будто… меня так легко….

Кэп закурила ещё и, повернувшись ко мне лицом, сняла очки.

– Алексей, скажи честно, я красивая? Но помни, долг я тебе не прощу, даже если посвятишь мне оду.

– Очень красивая, – совершенно честно признался я.

– Льстец.

Она грубовато ухватила меня за затылок и смачно чмокнула в губы.

– Но иногда лесть так приятна.

– Шеф, я не врал, не льстил. Вы…

– Зови меня Ивалой. Сегодня. Здесь.

Ивалла встала с кровати и закрыла дверь на щеколду. Оказывает, она умела ходить эротично. Вернувшись к кровати, она выпила глоток бренди и сунула бутылку мне. Когда я выпил, шеф наклонилась и поцеловала меня. Это продолжалось долго, и я давно не испытывал такого спектра эмоций от простого поцелуя.

– Ты хорошо целуешься, – сказала Ивалла, когда её мягкие губы оторвались, наконец, от моих.

Я промычал в ответ что-то невразумительное и, ухватив её за талию, посадил себе на колени. Наши губы снова слились в поцелуе. Рука сама собой забралась под её рубашку, провела по нежной коже. Ивалла хихикнула и начала расстёгивать пуговицы. Я впился губами в её шею, поцеловал впадинку между ключицами, легонько прикусил сосок. Кэп… то есть Ивалла тоже без дела не сидела, её рука уже забралась мне под одежду. Я почувствовал прикосновение её пальцев и судорожно вздохнул от удовольствия.

Ссадил её с колен, уложил на спину. Рубашка уже валялась на полу, так что я занялся своей одеждой. Ботинки, штаны…

Думаю, нашу пропажу никто не заметил. А если и заметил… кому какое дело, чем занимались за закрытой дверью капитан и стрелок?

Глава десятая

Я поёжился и, закурив, принялся оглядывать толпу в поисках Эмены, которую выделили мне в провожатые. В моём вещевом мешке уже лежала куртка и штаны, осталось купить только ботинки – шапку и рубаху мне, сжалившись, выделил Авер. Правда, на моё финансовое положение эта благотворительность особо не повлияла: мне пришлось дополнительно занимать двести пятьдесят кредитов. Иначе вместо добротной кожаной куртки пришлось бы покупать невнятный балахон, довольно тонкий и вообще не ясно на кого шитый – мужчину или женщину.

Наконец, я высмотрел в толпе спину Эмены. Она стояла у продуктовых лотков и яростно препиралась с продавцом. Ругнувшись сквозь зубы, я направился в их сторону.

Вообще, городом поселение, куда мы прилетели вчера вечером, назвать было сложно: в этом жутковатом месте вряд ли жило более пяти тысяч человек. Почему я назвал это место жутковатым? А как ещё можно назвать место, в котором лачуги из дюралюминия и пенопласта стоят по соседству с деревянными домами, будто служившими декорациям для голливудских фильмов про ковбоев? Каждый местный житель (ну, кроме, конечно, детей до десяти лет) ходил с оружием. Даже дворник, уныло метущий брусчатку, носил на поясе какую-то кремневую бандуру, а за плечами девушки, выливающей содержимое ночного горшка из окна прямо на мостовую, виднелись две костяные рукояти.

Как можно назвать место, где дети, играющие на улице, избивают чужаков из других районов «города» до полусмерти, а мужчины сначала смотрят на твою винтовку и только потом улыбаются и спрашивают, чего бы ты хотел купить? Причём, будь у меня ствол за спиной поменьше, я уверен, что они с той же

лучезарной улыбкой предложили бы мне оставить всё своё имущество прямо в магазине.

Я лично видел, как одному парнишке лет двенадцати отрубили указательный палец на левой руке спустя пять секунд после того, как эту самую руку извлёк из своего кармана почтенный джентльмен с двумя револьверами на груди.

В назидание людям, пытающимся совершить более крупные правонарушения, прямо посреди центральной площади построили целый комплекс из десятка крестообразных виселиц. С каждой перекладины опускалось по петле, и минимум половина была занята.

На Эмену же это не произвело никакого впечатления. Фыркнув, она заметила, что трупы уже порядком разложились, а ещё лет тридцать назад на виселицах мы бы никого не увидели. Потому что повешенных скормили бы самым нуждающимся.

– А кое-где на юге так до сих пор делают, – добавила девушка, и мне стало совсем плохо.

Я подошёл к своей провожатой и встал рядом, с независимым видом разглядывая специи, лежащие на лотке.

– Не буду я брать консервы из собачатины! – раздражённо говорила Эмена. – Мне говядина нужна.

– Откуда говядина, малышка? – с заискивающей улыбкой разводил руками торговец. – Ещё не время колоть коров. Да и волки повадились ходить на окрестные фермы… – Он хихикнул. – Может, лучше волчатины возьмёшь? Я хорошо её протушил…

– Я сказала, что мне нужна говядина!

– Ну, детка, это слишком сложно. Ты же знаешь, что после прошлогоднего голода мэр запретил продавать людям извне больше десяти банок на руки. Я и с этой партией волчатины рискую.

– Поэтому, старый засранец, я и разговариваю с тобой, а не с Эдди. Ты дядька мэра, уж тебя-то он сильно наказывать не станет. Капитан сказала, что у тебя всегда есть говядина. Значит, она у тебя есть, и ты мне её продашь. Капитан не ошибается.

– Есть говядина, – кивнул торговец. – Конечно же, есть. Вот только я тебе говорю, что достать её сейчас очень сложно, куда сложнее, чем собачатину или волчатину…

– Я поняла, на что ты намекаешь, – резко сказала Эмена. – Я просто хочу, чтобы ты назвал цену.

– Вот оно как… – потёр лысину торговец. – Двадцать кредитов за банку. Если купите больше двухсот банок – сделаю десятипроцентную скидку.

– Двадцать кредитов?! – у нашего кока глаза вылезли из орбит. – Ты ль не охренел?

– Тише-тише, – забормотал продавец. – Мне же за это голову отрубят.

– И так все знают, что ты торгуешь из-под полы, – буркнула Эмена, но голос понизила. – Мне нужны четыреста банок и скидка в тридцать процентов.

– Не пойдёт. Не больше двадцати.

– Тогда и разговаривать не о чем.

– Хорошо. – Торговец посмотрел сначала на меня, потом на мою винтовку. – Двадцать пять.

– Вечером в шесть ждём груз в порту, – буркнула Эмена и, кивнув мне, двинулась прочь от лотка.

– А аванс? – пискнул торговец, но дочь Крога даже не обернулась.

– Мне Капитан голову снимет, – проворчала Эмена, когда мы отошли от лотка со специями на приличное расстояние. – Это ж надо, больше пяти с половиной

тысяч кредитов за четыреста банок консервов. Но не собачатину же жрать…

– Угу, – промычал я.

Интересно, на Земле моя жизнь стоила больше, чем четыреста банок говядины? Смотря где, наверное…

И сколько бы банок сделали из меня, случись там что-то подобное? Меньше, чем полтора месяца назад, это точно.

Этот мир практически уничтожили. Жизнь здесь в последние годы явно была не сахар. Каннибализм помог выжить этим людям, как помогал многие века землянам. Когда же жизнь немного улучшилась, от него отказались на большей части территорий. И, тем не менее, в котёл до сих пор шло всё, что можно было съесть. Не до любви к питомцам, когда тебе самому или твоим детям нечего есть.

И всё-таки… собачатина…

В первые пару недель моего пребывания в Нейе я бы и не думал. Хоть собачатина, хоть волчатина, хоть кошатина – сожрал бы всё. Да попадись мне крыса, сырую со шкурой съел бы. А сейчас во мне бурлило возмущение и отвращение. К хорошему, выходит, быстро привыкаешь. Даже если это хорошее – сухари и консервы.

– А… – я на миг замолчал, чтобы успокоить всколыхнувшееся содержимое желудка, но всё же осмелился задать мучающий меня вопрос: – Те консервы, которые мы ели, они?..

– Говядина, конечно же. Капитан приказала покупать только её, хотя консервы из плохого мяса стоят раза в два или три дешевле. Дело в том, что мы с островов – там собака, в первую очередь, слуга и друг, но никак не еда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bashunov_gennadiy/prodavcy-grez-tom-1

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити